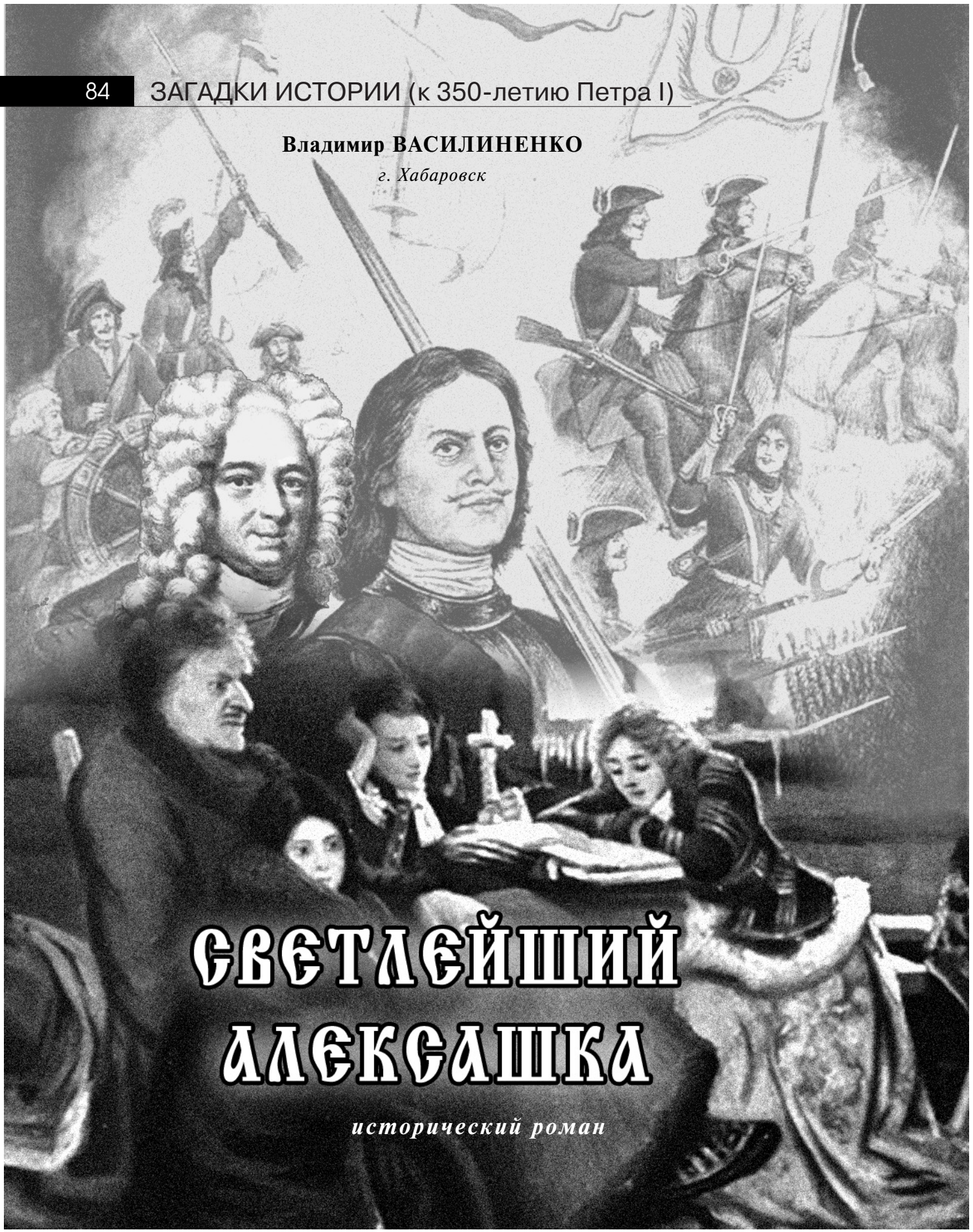

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

г. Хабаровск

СВЕТЛЕЙШИЙ АЛЕКСАНДРА

исторический роман

*«Всякий возвышающий сам себя
унижен будет»*

Евангелие от Луки

1

Рука немолодого мужчины была умела и крепка. И с завидной ловкостью управлялась с острым плотницким орудием. Мастерски заточенное лезвие играючи отсекало частицы ошкуренного ствола лиственницы. Казалось, топор сам, без посторонней помощи, цепко вгрызается в мёртвую плоть поверженного дерева. И – удар за ударом – старательно вырубает пологую, удобную ложбину...

Высокий, тонкий подросток, почти юноша, с копной светлых льняных волос и васильковыми глазами, зачарованно смотрел на работу пожилого мужчины, словно не веря происходящему: так легко, споро и привычно действовал тот...

– Папенька, – наконец не выдержал он, – где ты этому учился?..

Плотник вонзил топор в гладкую лесину, терпко пахнущую смолой, не спеша выпрямился, вздохнул и привычно перекрестился. Рослый, плечистый, с узким длинным лицом и выдающимся подбородком, обросшим сизой щетиной, он едва ли походил на завязатого мастерового, кочующего с артелью себе подобных по городам и весям родного отечества и предлагающего свои услуги монастырям и богатым землевладельцам. Небольшие зоркие глаза из-под нависших кустистых бровей смотрели чересчур строго и внимательно. Обычный, пусть даже искусный работник не мог и не смел бы так себя держать.

– С Петром Алексеичем, сынок, – неожиданно тихо и ласково ответил он пареньку, – на верфи мастера Геррина Клааса...

– В Голландии? – переспросил тот, заметно гордясь своей осведомлённостью.

– В ней, в ней... В славном городе Саардаме, – плотник пошевелил широкими, костистыми плечами под просторной ситцевой рубахой. Тусклый серебряный крестик на тоненьком шнурке заколыхался в распахнутом воротае...

– Ваше сиятельство, – коренастый чернявый мужик вперевалку приблизился к говорившему, склонившись в пояском поклоне, – венцы ставить как будем? На пошву али на столбы?..

Плотник раздумывал недолго:

– Ежели на столбы – копать ямы замучишься и время зря потеряешь, – он скупой улыбнулся, – на землю-матушку уложим... На пошву!..

Мужик угодливо, в пояс, поклонился, неспешно

повернулся и деловито направился к кучке землекопов с лопатами в руках.

– На пошву ставить велено! – возгласил он на ходу.

Землекопы сдержанно загомонили, но, судя по всему, приказ их не обескуражил. Без лишних слов они тут же принялись ровнять и утаптывать землю на самой макушке косогора, невдалеке от скромного сельского погоста. А внизу шумела быстрая таёжная река...

Она была неширока – саженой двадцать, но пологие, щедро усыпанные галькой забереги, а на них – полустгнившие коряги и ворохи обломанных ветвей заставляли думать, что в весеннее половодье здесь бывает целое светопresentation. Но теперь – в августе месяце – река Сосьва вела себя вполне мирно, и перейти её вброд возможно было любому.

– Марья и Александра чем заняты? – спросил мужчина у подростка.

– Библию читают, – ответил тот негромко.

Плотник взялся за ручку топора.

– Папенька, а можно мне? – искательно спросил мальчуган.

Мужчина извлёк острое лезвие из крепкого тулова лиственницы, чуть усмехнулся и свёл густые брови:

– Попробовать страсть как хочется?..

Сын молча кивнул.

– Ну, попробуй-попробуй... Как знать, может, топором всю жизнь кормиться придётся, не приведи Господь!..

В гоlose мужчины прозвучали снисходительно-грустные нотки, но подросток не заметил их. Осторожно приняв из отцовских рук тяжёлое плотницкое орудие, он неловко склонился над мёртвой лиственницей, неуклюже вскинул топор и с глухим стуком опустил его на очищенный от коры ствол. Повторил это несколько раз кряду, но отделил лишь малую щепку...

Землекопы, в полусотне шагов старательно ровнявшие вершину пригорка, исподволь следили за действиями отца и сына. Заметив оплошку юного отрока, они понимающе переглянулись, пряча хитрые усмешки.

– Неладно, Александр, – вздохнул мужчина, – топор ты ровно дубину держишь... – он хватко перенял инструмент, – гляди, как надо...

И, взмахнув нелёгким орудием, отец стал азартно, легко и напористо отсекал от спилённого ствола частицы лишней плоти. Землекопы одобрительно качали головами. Подросток, видя умелую, ладную работу мужчины, мучился завистью и неверием в собственные силы. И

ещё ему казалось, что отец затеял какое-то непонятное, немислимое дело, вместо того чтобы попытаться вызволить их всех из этой жуткой, пугающей глухомани...

– Часовню будем мы ставить в обло, – сделав минутную передышку, пояснил мужчина, – вон на том пригорке...

– Как это «в обло»? – переспросил сын.

– А вот гляди, – лезвие топора отец показал ему овальную ложбину, вытесанную им по всей длине дерева, – это паз, а в него уместится вон тот венец, – он кивнул на ошкуренный ствол, лежащий в стороне, – а концы его закрепятся в чашку... – лезвие топора уткнулось в небольшую, но глубокую ямку с пологими краями в десяти вершках от края.

– Это обло? – догадался сын.

– Ну да. Так оно и есть... – мужчина перекрестился и вновь взялся за работу, – ты сходи к сёстрам, посторожи их... – бросил он, не поднимая головы, – один ты мужик у меня остался...

Эти слова должны были подбодрить и поощрить мальчугана, однако же он воспринял их без особого восторга. Ему, видимо, уже наскучило долгое пребывание на диком берегу шумной таёжной реки, докучливое внимание мужиков-землекопов и неустанный стук отцовского топора.

Тонкий, светловолосый отрок быстро повернулся и напористо зашагал прочь от бедного сельского кладбища. Садкие удары топора, скрежет, стук и шварканье лопат слаженно звучали ему вослед...

2

Сёстры сидели на завалинке длинного деревянного дома с узкими, подслеповатыми окошками, забранными решёткой. Дом назывался «острогом». А когда-то был монастырём, но теперь в нём надлежало содержать особо важных государственных преступников. И, в отличие от обычных тесных казематов, тут было четыре комнаты, а узники имели возможность свободно передвигаться по улицам посёлка, который именовался городком Берёзовом. Но сам городок находился по ту сторону высокого забора, окружавшего острог.

Мария и Александра в застиранных «господских» платьях согласно уместились в глубокой тени на широкой завалинке, остерегаясь жарких солнечных лучей. Барышни прилежно читали Библию, помня, что строгий отец непременно спросит их об этом. Младшая – Александра – держала в руке берёзовую ветку, старательно отгоняя назойливых комаров и мошек, а старшая – Мария – положив на колени большую, толстую книгу в посеребрённом окладе, произносила нараспев:

– «В седьмой день, когда развеселилось сердце царя от вина, приказал он семерым евреям, служившим пред царём Артаксерксом, чтобы они привели царицу Астинь пред лице царя в венце царском, чтобы показать народу и князьям красоту её...»

Девушка читала сестре историю Есфири, простой израильтянки, ставшей любимой женой персидского царя Артаксеркса. История была заманчивая, трогательная и поучительная. Законная жена персидского владыки, услышав строгий приказ своего супруга, не пожелала явиться на зов.

Причина казалась не совсем понятной – то ли царица приболела и выглядела неважно, то ли решила проявить характер и не уподобляться рядовой служанке, должной исполнять любой каприз своего господина...

Но Артаксеркс особо не размышлял – услышав отказ, он тут же лишил дражайшую половину своего царственного расположения и заодно звания законной супруги.

– Чем же она провинилась? – недоумённо спросила младшая сестра.

Мария, прервав чтение, покосилась на неё:

– Кто? Царица?..

– Ну да... Может, голова у неё закружилась или лицо опухло?..

На этот резонный довод у старшей сестры не нашлось ответа. Она пожала прямыми, угловатыми плечами:

– Об этом здесь ничего не написано...

– А что было потом? – не отступала Александра.

Мария продолжила:

– «И ближайший придворный царя Мамухан сказал: не пред одним царём виновна царевна Астинь, а пред всеми князьями и народами, потому что поступок царицы дойдёт до всех жён и они будут пренебрегать мужьями своими и говорить: царь Артаксеркс велел привести царицу Астинь пред лице своё, а она не пошла. Теперь княгини персидские и мидийские услышат о поступке царицы и будут поступать так же. И пойдёт это по всем землям...»

Обе девушки пугливо примолкли. Суровое, непререкаемое осуждение, прозвучавшее из священной книги, крепко их озадачило. Оказывается, вольный или невольный проступок бедной царицы повлёт за собой целую цепь недопустимых деяний. Неужто пустой каприз взбалмошной женщины способен посеять смуту в целом государстве?!

– Говорят, – понизив голос, поделилась младшая сестра, – что жена покойного государя накануне его смерти завела себе голанта (так тогда называли любовников) ...

Мария насупилась. Ещё совсем недавно она была невестой внука покойного императора и мысленно готовила себя к роли супруги, то есть царицы. Скорее всего, то же самое подумала и сестра, простодушно заметив:

– Хорошо, что твоя свадьба расстроилась!.. Царёнок этот – Петрушка – просто ужас какой-то!..

Старшая сестра не возражала. Её двенадцатилетний жених вёл себя на редкость безобразно. Он нещадно колотил своего будущего шурина Александра, да так, что тот, не стыдясь, голосил на всю округу. Вопли бедного подростка были слышны в каждом углу дворца. Доставалось невесте и будущей свояченице.

Наследник престола показывал им язык, плевался, щипался и дерзил. Несмотря на то что Марии было лестно видеть себя в роли будущей царицы, отвратительное поведение жениха отбивало всякую охоту делить с ним монарший трон...

Лишь неколебимое намерение отца, во что бы то ни стало желавшего выдать свою дочь за будущего императора, заставляло Марию смиряться и терпеть. А ведь совсем недавно у неё был другой жених – граф Сапега. Говоря по правде – он очень нравился ей. Это был взрослый мужчина и к тому же польский вельможа, что чрезвычайно соблазняло русских барышень, ценивших мужскую ловкость и обходительность. А поляки этим отменно славились. Вспомнив всё это, Мария глубоко вздохнула. Сестра сочувственно покосилась на неё:

– Жалко, конечно, что так получилось... – она искренне переживала за старшую, подспудно сознавая, что та – в любом случае – стала бы напрасной жертвой. Ведь брак с малолетним, вздорным, жестоким царевичем не сулил Марии ничего приятного.

– Наш папенька часто бил его по щекам! – доверительно поделилась Александра.

– Кого бил? Петрушку? – едва слышно пролепетала старшая.

– Его, – сестра понизила голос, – и отцу его – Алексею – папенька тоже спуска не давал... Да же таскал за волосы...

Девушки примолкли. Дворцовые интриги и дразни ещё не успели поглотить их целиком, без остатка. Обе они были слишком юны – Марии исполнилось шестнадцать, Александра была двумя годами младше. И свойственная юности наивность, легковерие и желание ничем не омрачать свои чистые души делали своё дело.

Сёстры смутно догадывались, что они – всего лишь жалкие песчинки в чужой игре, которую на протяжении всей своей жизни вёл их суровый

отец. Игра, по всей вероятности, шла жестокая, коварная и беспощадная. Недаром в ней когда-то погиб сын покойного императора – Алексей – отец нынешнего наследника престола. И не напрасно ли, не чересчур ли безжалостно хлестал его по щекам их папенька?..

Из-за угла дома показался Александр – младший брат сестёр:

– Вот вы где! В тенёчке укрылись! А я вас обыскался!

Его бойкая тёзка задорно ответила:

– Зато мы обед сварили и папенькины рубахи постирали!..

Мальчуган шагнул к Марии и уселся рядом на завалинке. Заглянул через её плечо:

– Про кого вы тут читаете?..

Мария ещё не отвлеклась от грустных воспоминаний и пережитых волнений, опустив повлажневшие глаза в книгу, а младшая сестра не замедлила с вопросом:

– А ну-ка, скажи, кто был царь персидский?..

Брат немного помялся, потом бросил неуверенно:

– Ну, этот... Как его? Киром, кажется, звали...

– А вот и нет! Атаксерсом!..

– Артаксерксом, – настойчиво поправила Мария. Александр уважительно взглянул на неё:

– Это вы про него читаете?

Старшая сестра намеревалась объяснить всё доходчивей и подробней, но младшая её опередила:

– Этот Ар-та-ксерс выгнал из дворца свою жену, потому что она не пришла на пирушку! А он крепко осерчал! – выпалила она.

Брат озадачился. Слишком небольшой житейский опыт ничего ему не подсказывал. В отношениях их отца и покойной матери, вероятно, было что-то похожее, но вряд ли сын хранил это в памяти. Светлейший князь был нравом крут, однако любил свою Дарью Михайловну без памяти.

– А что было потом? – минуту спустя полюбопытствовал мальчик.

Мария пробежала глазами библейский текст и прочла вслух:

– «И взята была Есфирь к царю Артаксерксу в дом его. И полюбил царь Есфирь более всех жён, и возложил царский венец на голову её, и сделал её царицею на место Астинь...»

– На чьё место? – перебил брат.

– Это его бывшую жену так звали. Астинь, – подсказала младшая.

– А кто такая Есфирь? – не отступал Александр.

Мария охотно пояснила:

– Она была бедной еврейской сиротой, жила в семье у своего дяди...

– За что же царь её взял? Раз она – сирота?

Сестра уткнулась пальчиком в священный текст:

– «Девушка эта была красива станом и пригожа лицом...»

– Как это – красива станом? – не отставал подросток.

Его тёзка не выдержала:

– Ну, стройная она была, как наша Маруся! Вот прицепился!

Брат искоса окинул свою старшую сестру и промолчал. Он ещё был слишком мал, чтобы тут же догадаться, почему сёстры из всей этой толстенной, богатой разнообразными событиями книги выбрали историю бедной еврейской сироты, спасшей свой народ от жестокой гибели.

Впрочем, подвиг Есфири вовсе не занимал их. Девушек больше волновали горькая судьба бывшей жены царя и стремительное возвышение юной красавицы. «Неужели, – разом подумали они, – эти девичьи прелести способны совершать чудеса? Разве такое возможно?» Библия это подтверждала, а не верить священной книге они не могли.

– Папенька часовню на берегу ставить будет, – неожиданно заявил брат, желая отвлечься от докучливых, головоломных мыслей.

Сёстры молчали. Им крайне не желалось вернуться к неприглядной, унижительной и жалкой действительности. Из дома вышла пожилая служанка, неся в руках горшок, старательно обёрнутый в тряпку.

– Ты куда, Анисья? – окликнул её Александр.

– Папеньке вашему, соколик, обед понесла! – заботливо отозвалась женщина, не сбавляя шага. Сёстры наконец пришли в себя.

– Зачем он это делает? Какую-то часовню строит... – недоумённо спросила младшая. Брат двинул плечом:

– Не знаю. Будут ставить на какую-то пошву. В обло...

Девушки озадаченно переглянулись. Они чуть не с самого рождения привыкли, что их отец затевал любое дело, ни у кого не спросив и ни с кем не советуясь. Иногда секретничая лишь с одной тётушкой Варварой Михайловной, горбатой сестрой покойной матери, ныне насильно постриженной в монахини.

– Значит, – уныло произнесла Александра, – мы никогда не уедем отсюда? Так и будем жить в этой жуткой глухомани!..

Брат и старшая сестра понуро опустили голо-

вы. И крупные, частые девичьи слёзы закапали на страницы священной книги...

3

Светлейший вернулся в острог в сумерках. Открыв низкую, тяжёлую дверь, он оказался в крошечной прихожей, ощупью пристроил у стенки топор. Густой, крепко настоянный дух тесного человеческого жилища резко ударил ему в ноздри.

Князь брезгливо поморщился. Он славился редкой чистоплотностью. Это отмечали даже иностранные вельможи, щеголявшие своей отменной чопорностью и спесью. В двух шагах от входа была тесная кладовая, где хранились съестные припасы. И несло оттуда крепким запахом квашеной капусты, солонины, маринованными грибами, вяленой рыбой...

К кладовке примыкала комнатка прислуги, в которой жили две служанки, по доброй воле последовавшие за господами. А некогда бесчисленная команда дворецких, лакеев, камердинеров, парикмахеров, поваров, берейторов, кучеров, конюхов, кузнецов, псарей, сапожников – ещё до того, как их хозяева стали перемещаться всё дальше и дальше от Петербурга в холодную, ужасную Сибирь – стремительно улетучилась, словно бойкие горошины, выпавшие из отверстого стручка.

Из более ста человек прислуги – в основном иностранной – в городок Берёзов за князем отправилось восемь русских людей, шесть мужчин и две женщины. Старшая из них – Анисья, услышав стук шагов в прихожей, высунулась в дверь, держа в руке медный шандал с горящей свечой:

– Вот вам огонь, Ваша светлость. Примите Христа ради...

– Спасибо, утешная! – искренне поблагодарил князь, взяв восковой цилиндр с неярким колеблющимся пламенем. – Как там дети? – спросил он полушёпотом.

– Притихли сердешные, – сочувственно ответила женщина, – должно, уснули...

Хозяин на цыпочках приблизился к комнате дочерей, минуту постоял перед закрытой дверью, прислушался. Служанка понимающе смотрела в его широкую, полусогнутую спину, потом глубоко вздохнула, мелко перекрестилась и скрылась в полутьме. Князь осторожно открыл дверь комнаты, в которой он обитал вместе с сыном...

Пять аршин в длину, четыре в ширину – таков был её размер. И узенькое окно высотой в десять вершков. А также неременная печь, чуть не в половину комнаты. Хозяин не мог выпрямиться в полный рост, не упёршись теменем в потолок. Он

понимал, что тюрьма есть тюрьма и её узникам не положено жить широко и просторно. Кроме того, здешние суровые условия не позволяли строить больших домов – зимою дров не напасёшься!

А лето было на исходе. В полдень ещё царил знойная, удушающая жара, но с заходом солнца густой, неподвижный воздух разом остывал, и людей охватывал цепкий, пронизывающий озноб. Однако князь не испытывал неудобств, местный неласковый климат немногим отличался от петербургского: те же гнилые, зловонные испарения, топкая, вязкая земля, обилие комаров и гнуса...

Даже в летнюю нестерпимую духоту невозможно было открыть окно или дверь, чтобы не впустить внутрь тучу злобных кровососущих тварей. Впрочем, в его роскошном дворце на Васильевском острове в летнюю пору тоже хватало мерзких летучих насекомых. И бесчисленные слуги, вооружившись хлопушками, отважно бились с бойкими отрядами докучливых кровососов...

Колеблющийся огонёк свечи высветил небольшой квадратный стол и две кровати по обе его стороны. На правой – спал сын, в рубаше и панталонах, широко раскинув руки и ноги. Князь вознамерился укрыть его одеялом, но заметив, что в помещении довольно жарко и душно, поставил подсвечник на стол и задул свечу.

Комната погрузилась во мрак, только узкая багровая полоска заката, похожая на кровавый рубец от хлыста, вспухший на арестантской спине, была ещё заметна в единственном окне. Князь прерывисто вздохнул и улёгся на кровать. Ему почему-то вспомнился давний соперник и недруг – Пётр Андреевич Толстой.

Ныне он тоже отбывал ссылку в подобном, если не хуже, каземате на другом конце Российской империи, на Соловках. И отправил его туда сам Светлейший. А старику было уже за восемьдесят, и Соловецкие остроги заживо погребали куда более крепких и могучих людей! Правда, граф Толстой слыл калачом тёртым, острог не был ему в диковину. Целых два года когда-то томился он в земляной тюрьме – «зиндане» – у турок, в далёком Константинополе. Но тогда ему только-только перевалило за шестьдесят...

Теперь князь не желал ему скорейшей гибели, не желал лишь потому, что их судьбы, к несчастью, уравнились. Он твёрдо сознавал, что юный наследник престола никогда не простит ни его, ни Толстого. Ведь они оба повинны в гибели его отца – царевича Алексея. Только вина Толстого была неизмеримо больше: это он подлым обманом выманил Алексея из пределов Австрийской империи, куда несчастный сбежал от сурового отца, насиль-

но привёз его в Петербург и стал одним из главных обвинителей на громком процессе, завершившемся смертью царевича. Но корявая подпись Светлейшего князя Меншикова тоже стояла на приговоре, решившим судьбу ослушника. И вот, наконец, пришла расплата...

Как всякий русский человек, князь не мог не верить в судьбу. Долгое, слишком долгое время она была к нему чересчур щедра и благосклонна. Простого, неграмотного парнишку, сына грубого конюха, вознесла на самый верх огромного государства, в первейшие ряды властителей Отечества, сделала ближайшим сподвижником царя, его правой рукой и верным другом!..

Один-единственный шаг оставался князю, чтобы стать основателем новой династии и сделаться единоличным правителем России! Казалось бы, всё он предвидел, продумал и рассчитал. Убрал тех, кто стоял на его пути, на их место поставил верных, нужных людей. Как мог угодливый, расторопный Остерман так ловко обойти его, восстановить наследника против князя? Расстроить брак его дочери и отстранить Светлейшего от кормила власти?!

И вот несколько месяцев спустя, когда заметно утихло негодование, гнев и боль, когда, не выдержав унижения и позора, скончалась, а точнее – угасла его верная подруга Дарья Михайловна, Светлейший пытался трезво обдумать случившееся. Где он дал промашку? Не доглядел? Не смекнул? Не упредил? В какой отрезок своей бурной, переменчивой, но в целом успешной жизни ему не удалось одолеть своих явных и тайных врагов и достойно завершить предначертанное свыше?..

Никто не знает, когда родилась поговорка «из грязи – в князи», однако то, что Меншиков имел к ней самое прямое отношение, очевидно любому. Возможно, он и пустил её в свет. И никому другому не удалось так полно, ярко и наглядно воплотить этот язвительный лозунг. С той лишь разницей, что княжеский титул достался ему не игрою случая – он добился его своим недюжинным умом, неуёмной энергией и многими блестящими талантами...

Разумеется, и богиня Фортуна была к нему расположена. Не попадись бойкий, заводной, расторопный паренёк на глаза царёву приятелю Францу Лефорту и не стань он ближайшим слугой юного Петра – дальнейшая его судьба не сложилась бы столь громкой и блистательной. Скорее всего, из него бы вышел бесподобный кучер, бойкий сиделец в лавке, храбрый сержант или унтер-офицер и не более...

Знатная родословная в те достославные времена всё-таки имела значение. А Светлейший,

будучи низкого происхождения, постоянно замечал скрытую иронию и пренебрежение в глазах родовитых дворян и князей. Это озлобляло его и бесило. Пожалуй, только одному государю не было ни малейшей нужды до его происхождения. А неожиданная смерть Петра подтолкнула существование Светлейшего к последнему рубежу, за которым стояла либо полная, окончательная победа, либо...

4

Он вспомнил последние дни государя. Царь угасал стремительно. Мучительно и громогласно. На пятьдесят третьем году жизни. Даже по меркам того времени он не слыл глубоким стариком, и жить бы ему да жить. И не только лишь одна мочекаменная болезнь, а многие телесные и духовные тяготы, выпавшие на его долю, сломили гиганта.

Хотя ближайшие прародители Петра крепостью и долголетием тоже не отличились. Дед – Михаил Романов – скончался в сорок восемь лет, отец – Алексей Михайлович – в сорок семь. А ведь на их плечи не свалилось столько бед, забот и волнений, которые принял на себя отважный внук и сын. Но львиная доля всех напастей, как считали его враги и недоброжелатели, вызвана только им самим. Не будь он столь напорист, деятелен и неукротим – царствовать бы ему «аридов век»...

Ближайшее окружение не однажды было свидетелями его возможной кончины. В марте 1697 года двадцатичетырёхлетний Пётр занемог горячкой, настолько сильной, что к молодому самодержцу привели священника, дабы тот отпустил умирающему все грехи. Государь причастился святых тайн и готовился предстать перед Всевышним.

Осталось исполнить последнюю волю – помиловать перед кончиной государственных преступников. Их оказалось девять. Когда пришли к умирающему родственники осуждённых и пали перед ним на колени – царь произнёс едва слышно:

– Я надеюсь угодить Богу правосудием, нежели потворством...

Преступников казнили, а самодержец выжил. Это случилось после второго похода на Азов, и Меншиков тогда ещё служил при Петре денщиком и даже спал с ним в одной палатке. Но произошёл та жутчайшая беда – преданного слугу попросту бы выгнали взашей, и пришлось бы ему начинать карьеру заново. Однако молодой, бойкий и расторопный Алексашка – так его звал царь, не потерял присутствия духа.

Он искренне жалел занедужившего царственно-го друга и безмерно обрадовался, когда тот под-

нялся со смертного одра. А пару недель спустя из Москвы отправилось Великое посольство напрямую в Европу. Главой его был генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт, сам же Пётр числился только десятником, стараясь затеряться среди почти трёх сотен своих подданных вместе с верным Алексашкой. Он ещё стеснялся быть на виду, особенно в просвещённой Европе, никак не думая в будущем удивить и потрясти её. Это случилось через десяток лет...

И вот царь завершал свой земной путь. В ужасающих страданиях и скорби. Помимо нестерпимой боли, терзавшей его большое, непомерно длинное тело, Пётр испытывал муки нравственные. С его кончиной – теперь он и никто в этом ничуть не сомневался – если не погибнут, то пойдут прахом, разлетятся по ветру все плоды его тяжких, неустанных трудов...

В краткие минуты покоя, когда жестокая боль собирала силы, чтобы навалиться на него с ещё большим рвением и неистовством, царь окидывал помутневшими глазами бледные лица теснившихся вокруг помощников и родных, замечая в них лишь один беспредельный ужас. Но ужасались они не за него, их страшили не его душераздирающие, нечеловеческие вопли, а пугало собственное зыбкое будущее, вернее – грядущие перемены в нём...

Никто не сочувствовал человеку по имени Пётр, каждый и каждая с тревогой ждали: вот-вот завершится эта титаническая, всевластная судьба и в их жизнях наступит нечто бесповоротное и страшное. Даже самые ближайшие к трону – Светлейший князь Меншиков, канцлер Головкин, действительный тайный советник Толстой, генерал-адмирал Апраксин, генерал-фельдмаршал Бутурлин, генерал-полицмейстер Девиер, тайный советник Остерман – все они, когда-то дружно отправившие на казнь царевича Алексея, держались из последних сил. Их непрочное, опасливое настоящее грозило обернуться воистину кошмарным будущим...

И, стоя у скорбной постели отходящего в иной мир властителя, они прекрасно понимали: после его кончины всем им предreshено – стремительно и безжалостно – вцепиться друг другу в горло. Старые обиды, взаимная жгучая неприязнь, неустанное соперничество (охотно подогреваемое царём) сделали из них лютых недругов. Нет и не могло быть такого события или обстоятельства, способного крепко и надолго примирить их.

Только могучая рука государя, поднявшего, вознёсшего каждого из небытия на вершину

власти, твёрдо держала всех в одной упряжке. Но вот богатырская длань ослабла и выпустила эту злобную свору...

Вспомнив всё это, Светлейший прерывисто вздохнул. В те печальные, судьбоносные дни он уже не слыл ближайшим другом и наперсником царя. Пётр постепенно отдалил от себя своего верного слугу. Данилыч готов был признать, что в этом заключалась немалая доля его вины. Да, он отнимал, присваивал, мошенничал, похищал, отписывал на себя казённое и личное добро. Не гнушался ничем: ни поместьями, ни землёй, ни серебром и золотом, ни людскими телами и душами...

Красть он привык с малых лет. В положении холопа, комнатного слуги это вовсе не считалось зазорным. К тому же господа, козырявшие беспечностью и мотовством, частенько сами принуждали своих ловких челядинцев расхищать то, что плохо лежало. И деньги, и еду, и платье...

Попав в дом к Францу Лефорту, Алексашка поначалу умерил свои преступные желания, вовремя сообразив, что перед ним открылся иной, более заманчивый мир. Там, в немецкой слободе, жизнь выглядела иначе, чем в привычных уголках матушки-Москвы. Его отец, Данила-конюх, насквозь провонявший конской мочой и навозом, безуспешно пытался приучить сына чистить стойла и чесать лошадям хвосты и гривы. Но как на грех у Алексашки рано проявился тонкий, чувствительный нюх, цепкий, всё подмечающий глаз и острый, насмешливый язык.

Неоднажды отодрав сына вожжами, Данила отдал его в ученики к соседу-пирожнику. Бойкий, смазливый парнишка, не лезший за словом в карман, крепко тому приглянулся. Но черпать приго-ршнями по сусекам муку, замешивать из неё тесто, лепить с начинкой пироги, укладывать на противни и отправлять их в жаркую, вытопленную печь – для этого малый явно не годился. А вот повесить на шею лоток с готовой – поджаристой и румяной выпечкой – и заодно, залихватски покрикивать:

*– Пироги подовые,
Скусные, медовые!
Прямо с пылу с жару –
Полгроша за пару!..*

На это Алексашка был великий мастак. Прохождение, глядя на шустрого парнишку, из которого била ключом неиссякаемая, жадная, озорная прыть, невольно тянулись к карману или кошельку, чтобы купить на полденьги пару тёплых, пышных гостинцев. Они и сами не брали в толк, что заставляло их

раскупать у весёлого малого весь его товар?..

Вероятней всего, любому хотелось вместе с пирогами позаимствовать у бесшабашного паренька хоть малую толику его живости и удачества...

5

Прочтя молитву, истово перекрестившись, Светлейший взял в руку топор и, широко расставив ноги, склонился над обнажённым туловом лиственницы. Шестеро его верных слуг предусмотрительно сняли кору, и теперь князь готовился вырубить длинный паз, в который должно поместиться очередное бревно...

Строить часовню он принялся почти с первого дня, когда его с семьёй доставили в Берёзов. Говоря по правде, он задумал это ещё в Тобольске. И жалел, что не сможет упокоить в ней умершую жену Дарью Михайловну. Скончалась она три месяца назад под Казанью, когда всю их семью по этапу отправили в Сибирь. Препроводили силой из княжеского имения Раненбург под Воронежем по указу малолетнего императора от 8-го апреля 1728 года.

Супруга князя, бывшая фрейлина сестры покойного государя Петра – Натальи, женщина нежного воспитания и слабого здоровья, была вконец раздавлена свалившимся на её семью горем. У бывшего Светлейшего князя Римской империи, генерал-губернатора Петербурга, президента военной коллегии, главы Верховного Тайного совета, генералиссимуса и прочее – отняли 90 тысяч крестьян мужского пола, города Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп и Батурин. Кроме них – 13 миллионов рублей капитала, 9 из которых находились в иностранных банках. Изъятых драгоценностей на миллион рублей и 105 пудов золотой и серебряной посуды!..

В ссылку княжеское семейство отправилось в рогожной кибитке, вопреки тому, что весна едва-едва повеяла теплом. Одетые в баряни полушубки и меховые шапки – Светлейший, его жена, чада и домочадцы, уныло тряслись в жалкой повозке, для согрева зарывшись в сено. Бедная княгиня не переставая плакала. Глаза её не просыхали от слёз...

На коротких стоянках супруг, как мог, утешал страдающую подругу. Он один старался держаться молодцом, как всегда, взяв на себя львиную долю забот об обездоленном семействе. Светлейший понимал, что все несчастья, разом свалившиеся на головы жены и детей, исходят от него. Близкие страдают и мучаются только по его вине...

Привыкнув всё решать за других, распоряжаться

чужими судьбами по собственному произволу – князь, вероятно впервые, осознал, сколь коварна и губительна такая роль. По смерти государя всё переменилось. Все те, кто, проклиная и скрепя сердце, терпели самоуправство и своеволие князя, разом объединились против него. И Светлейший, несмотря на свою хваленую прозорливость, расчётливость и умение вертеть людьми, жестоко просчитался...

Щепки, частицы отсечённого острым железом дерева аккуратно ложились по обе стороны оголённого ствола. Князь работал не спеша, умело владея топором, чутко ощущая податливость или сопротивление поверженной лиственницы. Там, где торчал сучок, лезвие топора прытко учащало удары, словно злобно клевало неподатливое место. Верные слуги, трудившиеся бок о бок с суровым хозяином, одобрительно переглядывались, стараясь хоть в чём-то подражать ему, но не у всех это получалось. А Светлейший уносился думами в прошлое...

Тридцать лет назад в голландском городке Саардаме, на верфи мастера Геррина Клааса они с царём вот так же лихо стучали топорами. Петру было тогда двадцать пять лет, Алексашке на год меньше. Но плотницкую науку денщик познал не хуже своего властелина. У него была счастливая способность схватывать любое дело «с лёту». В этом он, пожалуй, явно превосходил Петра. И к чести последнего, тот смог отметить эту удивительную склонность и, в отличие от большинства, не завидовал и не препятствовал своему слуге.

Вот тогда окрылённый успехом Александр дерзнул из холопского сословия ловко перепрыгнуть на шаткие ступени карьерной лестницы, ведущей на самый верх государства. Сердечная близость и щедрое покровительство юного царя весьма этому способствовали. А талантов, энергии и настойчивости бойкому парню было не занимать...

И ещё одна редкостная черта отличала Алексашку. Он каким-то непостижимым образом угадывал, даже предвосхищал любые помыслы и намерения Петра. Черта эта, по всей видимости, исходила от его лакейской природы, но была она до такой степени изощрённой и проникновенной, что оставалось только несказанно удивляться!..

Никто из ближайших сподвижников и наперсников государя не мог перещеголять Александра в умении сполна угодить властелину. Многие приписывали это холопской натуре бывшего денщика, хотя сами изо всех сил старались подражать ему, только тщетно. Кроме натуры, это был особый дар. Иначе понять его невозможно.

Паз был вырублен князем на славу. С помощью

мужиков уложив новую заготовку на нижний венец, Светлейший горделиво окинул своих помощников и негромко воскликнул:

– Ну что, молодцы? Никак дело-то спорится?..

– Точно так, Вашеество, – согласно загудели мужики. – Уж больно ладно всё у вас выходит!.. Прямо – на загляденье!..

Хозяин, наклонившись, любовно огладил прочно уложенный ствол и заботливо напомнил:

– Щели законопатить не забудьте! Пенькой или паклей...

– Никак нет, Вашеество, токмо не паклей, – уважительно отозвался коренастый, чернявый работник, – тутoshние плотники стены мхом конопатят... Здеся его гибель!..

Князь выпрямился, оглядевшись по сторонам. Справа и слева от погоста простирались сплошные, непроходимые болота. Чахлые осинки и берёзки сиротливо торчали между мохнатых кочек, уныло склонив свои редкие, жалкие кроны. Ему неожиданно вспомнилось, как три десятка лет назад увидел он почти то же самое на Васильевском острове, где остался его знаменитый дворец. И скольких трудов стоило осушить и обиходить ту забытую Богом землю и возвести на ней славные княжеские хоромы!..

А поднять и ухитить эти гнилые, хилые, негодные для жизни места не хватит сил человеческих! И до боли жаль, что придётся здесь сложить свои бранные кости!..

6

На следующее утро Светлейший проснулся задолго до восхода. Ночью его жестоко мучил кашель. Боясь разбудить сына, князь изо всех сил сдерживал частые, назойливые приступы – в груди его всё хрипело и клекотало, словно там неустанно бились какие-то буйные, злобные недруги. Он поворачивался то на спину, то на бок, стараясь найти позу, в которой мог бы, хоть ненадолго, усмирить их коварное, губительное неистовство. Иногда ему это удавалось, и в краткие минуты покоя он чутко прислушивался к негромкому дыханию мальчугана.

Александр дышал спокойно и ровно. Отец удовлетворённо смыкал веки, пытаясь уснуть, и ловил себя на том, что в голове его мелькают благие, утешительные мысли. Возможно, в далёком Петербурге что-то переменится и его сырые, несчастные дети смогут вернуться в Северную столицу и начать, вернее, продолжить недавнюю, вполне счастливую и обеспеченную жизнь?.. Ну, пускай он сам останется здесь, в глухом, непотребном углу

России, лишь бы они убрались отсюда поскорее...

Очередной приступ заставил князя содрогнуться от клочущей, свирепой кутерьмы в его просторной груди. Он закашлялся и невольно поднялся на кровати, приняв сидячее положение. На губах появилась липкая мокрота. Князь сунул руку под подушку, вынул скомканный платок. Даже в темноте он с тревогой сообразил, что с ним опять приключилось.

Неужто это вернулась чахотка, терзавшая его полтора десятка лет назад?! Тогда, во время Прутского похода царя на турок, Светлейший оставался в Петербурге и был фактическим правителем страны, лишь косвенно подчиняясь Правительствующему Сенату. И вдруг неожиданная, изматывающая хвороба подло подкралась к губернатору!..

Любящая, заботливая Дарья Михайловна переполошилась – болезнь была слишком серьёзна, чтобы надеяться на неминуемое выздоровление. Супруг начал харкать кровью. Лекарши – свои и немецкие, не жалея сил и всяческих целебных снадобий, наперебой пичкали ими важную персону. Но спасла Светлейшего, скорее всего, его могучая, неодолимая природа. Князь сумел победить страшный, губительный недуг. И, казалось, навсегда. Но вот опять...

Он рывком спустил ноги на пол, крепко прижимая платок к губам, шагнул в коридор. И едва не столкнулся со служанкой Анисьей, идущей ему навстречу с крохотной лампадой.

– Что с вами, барин? – участливо прошептала она, на уровень глаз подняв светильник.

Князь отнял от губ платок – в складках темнели бурые пятна. Женщина опасливо перекрестилась. Светлейший прерывисто вздохнул и через силу улыбнулся: – Беда, как водится, одиной ночью не ходит...

– Ох, свят, свят, свят... – эхом отозвалась служанка, вновь осенив себя крестом. Князь мельком взглянул на неё, слегка прислонившись к стене. Чутко прислушался к чему-то внутри себя. Грудь его дышала спокойно и безмятежно, лишь отдельные мелкие хрипы, словно пузырьки пара в закипающем котле, прорывались наружу...

– Вы, небось, ляжете? – искательно спросила женщина. – Потёмки как-никак...

Она намекала, что до начала дня ещё есть время. Однако хозяин решительно выпрямился, насколько позволял низкий потолок, и тихо спросил: – Где мой кафтан?

– Сичас-сичас... – хлопотливо засуетилась прислужница, желая не только угодить господину, но

глубоко сочувствуя ему. Светлейшему был приятен её соболезнующий тон: с некоторых пор он очень нуждался в искреннем сострадании.

Княжеское одеяние находилось в комнате у прислуги, и едва Анисья направилась туда, из двери показалась вторая служанка – Мавра, неся в руках тёплый княжий кафтан, крепко прижав его к груди. Видимо, она тоже не спала, пробудившись от кашля хозяина. Светлейший невольно вспомнил, что и сам он когда-то, в своей лакейской юности, вскакивал от малейшего стука в опочивальне Петра, лёжа на меховой подстилке у порога. Сон у верного холопа должен быть чуток и неглубок, храня в себе всегдашний порыв к героическим усилиям.

С помощью женщин накинуд на плечи суконный кафтан с высоким стоячим воротником, подбитый заячьим мехом, и сунув ноги в сапоги, князь вышел во двор. Справив малую нужду, он мирно уселся на завалинку, покрепче запахнувшись в тёплый мех.

На улице гулял заметный холодок. Небо, по-видимому, плотно заволокли тучи, кругом не было ни единого просвета, и потому князь не мог определить, откуда появится солнце. Он не был силён в географии, впрочем, и в других науках тоже, и поэтому не ведал, что пропащий городишко Берёзов находится в более высоких широтах, чем Петербург. И, значит, день здесь убывает гораздо стремительней.

Что Земля имеет форму шара – он давно знал это от своего царственного друга, часто созерцая огромный глобус в его кабинете, но не придавал этому большого значения. Его волновали другие загадки. Как человек весьма практичный и деятельный, Светлейший занимался вещами сугубо насущными, очень далёкими от всякой умозрительной, посторонней материи...

Теперь его тревожило одно: если к нему вернулась та ужасающая болезнь, то жить ему осталось, увы, недолго. На шестом десятке лет так просто избавиться от кошмарного недуга не посчастливилось бы никому. И здесь, в этой оставленной Богом дыре, наверняка нет ни лекарей, ни знахарок. Князь осторожно тронул пальцами грудь. Она заметно побаливала, как будто по ней прошлись сапогами. Он тут же вспомнил детей. Что будет с ними, когда его не станет? Светлейший суеверно перекрестился. Он боялся представить воочию, какая судьба будет уготована его чадам в случае его неминуемой кончины...

Бедные дочери и несчастный сын наверняка погибнут в этой дикой, пропащей глухомани. Кто отважится вызволить, протянуть им руку помощи или

хотя бы обогреть и досыта накормить бездомных сирот?! А всему виной он – их честолюбивый, самонадеянный и неукротимый отец.

Светлейший вспомнил своего первенца Луку, крестника государя. Он умер восемнадцать лет назад, когда во дворце князя на Васильевском острове гуляли пышную свадьбу племянницы царя Аннушки, выданной замуж за курляндского принца Фридриха-Вильгельма. Торжество было шумным, разгульным и нескончаемым. Гости без всякого удержу пили, плясали и объедались.

Год назад была одержана Полтавская победа (Лука родился накануне), а шведский король позорно бежал под защиту турок. И князь вместе с женой играли роли посажённых отца и матери невесты. Но в шумной сутолоке, бесшабашном громе и неистовстве свадебного торжества смерть полуторагодовалого ребёнка произошла почти незаметно...

Светлейший и его верная супруга, конечно же, сильно переживали, но за беспрестанными хлопотами и неудержимым разгулом боль утраты ощутимо сгладилась. Сейчас Луке исполнилось бы почти двадцать лет, и наверняка это был бы крепкий, статный, бравый молодец, который, не робея, принял бы на себя все заботы о младших сёстрах и брате.

Князь в эти годы уже числился бомбардиром Преображенского полка и рьяно участвовал в военных манёврах, основательно нанюхавшись пороха. А людей тогда погибло изрядно...

7

— Что писать? – аккуратно положив перед собой толстую тетрадь и умакнув гусиное перо в чернильницу, покорно спросила Мария.

— Пиши, – отец наморщил высокий лоб, – история Светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, писанная в городе Берёзове в 1728 году от рождества Христова...

Старшая дочь старательно вывела слово «история» (так тогда именовали историю). Сам князь был неграмотен, он едва мог только расписаться. Все письма и документы от его имени угодливо сочинялись писцами в особых канцеляриях. А ответные бумаги и приказы государя он воспринимал устно, на слух.

Тонкие, бледные пальчики дочери тщательно выписывали заглавие будущего жизнеописания знаменитого отца. (Оно существовало в действительности, но было утеряно безвозвратно.) Младшая дочь и сын сидели поодаль, молча наблюдая

за происходящим. Оба, в силу возраста, понимали, что в тесной комнатке острога совершается нечто важное и судьбоносное. Ведь недаром родитель не отправился строить часовню, а остался здесь, наказав своим помощникам трудиться без него. Мария наконец-таки справилась с заглавием, устремив вопрошающий взгляд на отца:

— Готово. А далее что?

Светлейший, привстав с табурета, критически оценил усилия дочери. Прочесть он, естественно, ничего не смог, но ровные, округлые строки и, главное, чистота письма вполне удовлетворили его. Опустившись на место, князь вдруг озадачился. Согласно принятым тогда правилам ему следовало обратиться к помощи Всевышнего, возблагодарив Его за щедрую милость и возможность осуществить задуманное.

— Пиши, – он побряхтел, – припадая к бесконечной милости Божьей и уповая на Его святое благословение, я, грешный...

— Погоди. Я не успеваю! – взмолилась дочь.

Отец умолк. Мария окунула перо в чернильницу, осторожно вынула его, осмотрительно убрав с острого кончика увесистую каплю, и вновь склонилась над тетрадью.

— И уповая... – подсказала она отцу.

— На что уповая? – оторопел Светлейший.

Мария встретила с ним взглядом:

— Ты так велел писать...

Отец качнул тяжёлой головой:

— А ну читай всё!.. На что же мне надобно уповать?..

Дочь произнесла начало фразы. Князь выслушал и с неудовольствием продолжил. Он не привык к такому порядку вещей: своим писцам Светлейший обычно объяснял суть дела, и те, пользуясь привычными канцелярскими оборотами, мигом сочиняли лихие, велеречивые бумаги, должные потрясти и образумить обывателей. Теперь нужно самому напрягать память, стараясь хоть в чём-то уподобиться людям грамотным.

Младшая дочь и сын – невольные свидетели сцены – испуганно молчали. Авторитет отца был слишком велик, чтобы они огорчились или посмеялись над увиденным. Пусть злые недруги сколь угодно клянут его и порицают – для родных детей он должен быть чистейшим образцом ума, силы и могущества.

— Написала? – в голосе Светлейшего прозвучали снисходительные, ласковые нотки.

— Да, папенька, – покорно ответила Мария.

Она чувствовала себя виноватой, оттого что не попевала за отцом. И младшие дети были согласны с ней. А князь почему-то вспомнил собственное

детство. Ни кнут, ни вожжа, ни верёвка не могли смирить строптивый норов Алексашки. Чем жесточе и свирепей драл его родитель, тем вольнее и безудержней вёл себя сын! И Данила, в конце концов, махнул на него рукой. Ну не убивать же до смерти негодного парнишку!

– Так на чём же мы с тобой остановились? Давай подскажи... – обратился князь к дочери. Мария негромко произнесла:

– Я, грешный, сей скорбный труд в пользу Отечества моего и славу Российской империи прилагаю...

Светлейший удовлетворённо качнул головой. Он всерьёз считал, что написание собственной биографии послужит ко благу и процветанию родины. Ведь и в самом деле его фигура и множество героических деяний и поступков, им совершённых, не должны исчезнуть без следа! Ежели самой судьбой ему предначертано сгинуть в этом глухом, скверном, отверженном краю, то пусть останется на свете хотя бы воспоминание о нём!..

Но в глубине души он иногда признавался себе, что его небывалое возвышение было, в значительной мере, игрою случая. Но тут же на ум ему приходили фигуры Шафирова, Ягужинского, Девиера, Макарова, Курбатова, Остермана – людей весьма низкого происхождения, вознесённых вверх капризом государя. Неужто нет его личных заслуг в том, что он – Александр Меншиков – оказался умней, даровитей, напористей всех остальных?! Ведь царь не однажды был обязан ему не только своим спокойствием и всеведением, но даже жизнью...

Когда семнадцатилетний Пётр, спасаясь от козней царевны Софьи, бежал в Троице-Сергиеву лавру, известие о готовившемся покушении на него принёс юному царю его верный слуга – Алексашка. Один из стрельцов – давний приятель Меншикова, шепнул своему заединчику, что по приказу их начальника Фёдора Шакловитого три сотни стрельцов вот-вот двинутся в село Преображенское, где проживал Пётр...

Услышав это из уст своего любимого денщика, юный царь в одной рубашке выбежал во двор, вскочил на заседланную лошадь и понёсся в Троицкий монастырь. Алексашка поскакал следом. До монастыря было больше пятидесяти вёрст, и благо, что всё случилось в начале августа, когда ночи ещё теплы и коротки. Верный слуга, несшийся вослед за властелином, видел реющую по ветру белую рубаху и длинные голые ноги царя...

Он сам, как и должно холопу, был одет с головы до пят. Час спустя ему, взмокшему до нитки, стало завидно, глядя на хозяина – того щедро

обдувал свежий утренний ветерок. Дорога, на счастье, была пустынна. Ни единого прохожего и проезжего человека беглецы не встретили за всё время бешеной скачки...

Правда, на полпути конь Петра стал заметно сдавать. С неудержимого карьера он перешёл на бойкий аллюр, потом поскакал усталым галопом. Царь колотил его в бока голыми пятками, но толку было мало. Жеребец шагу не прибавил. Алексашка поравнялся с хозяином и задорно крикнул:

– Мин херц! Давай меняться!..

Смертельный ужас, овладевший Петром, видимо, уже сник, и он, не мешкая, потянул за повод. Лошадь остановилась. Денщик проворно спрыгнул наземь и помог царю оставить седло. Его длинное, нескладное тело в просторной рубахе дрожало от озноба...

Алексашка даже не догадывался, что юный монарх был не столько одержим минутным страхом, сколько удручён давними воспоминаниями: полупьяные, дерзкие, злобные рожи стрельцов, лес копий, бердышей, пицкалей... И бездыханное тело бедного боярина Артамона Матвеева, поднятого на острия пик у красного крыльца... А на крыльце – он с матерью... Потом изрубленные тела дядьёв малолетнего царя – Ивана и Афанасия...

Это случилось семь лет назад. Мать бесстрашно держала его – десятилетнего – за руку. А рядом стоял слабоумный, единокровный брат Иван. Петру это намертво врезалось в память. Его крохотная, жалкая жизнь тогда воистину висела на волоске. Такое не забывается...

Но мирное августовское солнце уже пробивалось сквозь листву берёз, клёнов и черёмух. Неширокая наезженная дорога петляла среди густого безмолвного леса. С помощью верного денщика оседлав другого коня, Пётр понемногу пришёл в себя, натянуто улыбнувшись:

– Хорош царь! Не токмо короны – штанов и тех нету!..

Алексашка ободряюще бросил:

– Ничего, мин херц! Ещё говорят – хоть нагишом, да с палашом! – и бойко похлопал себя по широкому поясу, за которым картинно торчал заряженный пистоль и кинжал в кожаных ножнах. Он приготовился стоять насмерть за своего властелина.

Пётр благодарно кивнул и тронул коня. Спустя час с крутого пригорка они наконец-таки увидели неприступные, спасительные, толстые стены Троице-Сергиевой лавры. А сзади, верстах в тридцати, раздавались жуткие вопли, стоны, причитания женской прислуги, сопровождающей мать царя и его молодую жену Евдокию, спешивших вослед за бежавшим государем...

От страха, несусветной кутерьмы и бешеной скачки юная супруга выкинула, то есть родила мёртвого ребёнка. Дочку. Место её спешного захоронения так и осталось неизвестным...

8

Пересказав всё это своим детям, Светлейший печально умолк. Сын и дочери, увлечённые рассказом, потрясённо затихли. Мрачная история, прозвучавшая из уст отца, казалась им похожей на сказку. Они, словно воочию, увидели двух всадников, отчаянно скачущих во тьме по неведомой лесной дороге. Непроницаемо чёрной и жутко крошечной была глухая, непроглядная ночь, а лес – полон лихих разбойников и всякой кошмарной нечисти: ведьм, леших, кикимор и лютых зверей...

– Как волки вас, папенька, тогда не съели?! – не выдержала самая непоседливая из детей – Александра.

Князь снисходительно улыбнулся:

– Люди, моя милая, бывают почище волков! Их и надобно бояться... Свирипей зверя, чем человек, нет!

А сын, чувствуя себя мужчиной, задал более существенный вопрос:

– Папенька, стрельцы – это кто?

– Стрельцы? – Светлейший свёл густые, сидящие брови. – До Петра Алексеича, сынок, солдат у нас в России не было...

– А кто был? – мальчик явно недоумевал.

– Так, – отец усмехнулся, – сброд всякой. Они и звались стрельцами. Кто с ружьём, кто с топором, кто с саблей, кто с пикой... Тем и воевали...

– Как разбойники, – подсказал сын.

– Вот-вот, – кивнул князь. – Никакого правильного строя, порядку и дисциплины... Что ни год – свара, бунт да мятеж...

– А за что они хотели государя убить? – подавала голос старшая.

– Да больше по дурости. Царевна Софья их шибко подстрекала...

– А почему она это делала?..

Светлейший задумался. Проще было бы ответить, что из зависти и злобы, но это бы ничего не объяснило. Царевна Софья – зачинщица всего, конечно, люто ненавидела своего единокровного брата, только одной ненавистью дело там не ограничивалось.

– Царствовать, вишь, самолично ей больно хотелось! – убеждённо заключил он. – Сладок ей казался державный-то кус!..

– Кому? Софье? – переспросила Мария.

– Ну да, – кивнул отец. – Шибко гордая она

была и самоуправная. Всё норовила по-своему командовать, а того не понимала, что не бабьего это ума дело...

Сёстры настороженно переглянулись. Они уже знали, что вся жизнь движется по строгим правилам и законам, придуманным мужчинами, и не следует слабым женщинам этот порядок нарушать. Отец, заметив их смущение, назидательно прибавил:

– Как в Библии-то сказано? И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену и привёл её к человеку... – он сделал паузу и слегка улыбнулся. – Значит, милые мои, надо жить, как в Писании сказано: муж за жену ответчик, а не обратно...

Дочери и сын смиренно потупились. После таких убедительных слов возразить было нечего. Князь размашисто перекрестился, и дети вслед за ним осенили себя крестным знаменем. В комнату заглянула Анистья:

– Ваше сиятельство, прикажете обедать?..

Светлейший заботливо обвёл взглядом детей и распорядился:

– Добро. Подавай на стол...

Ещё несколько месяцев назад, в Раненбурге – роскошном имении под Воронежем, княжеское семейство едало на серебре и золоте. За стулом у каждого стояли угодливые слуги, и господа, даже самые юные, кивком или мимолётным взглядом указывали на желаемое блюдо, и оно мигом оказывалось перед едоком.

Теперь всё круто переменялось. Весь столовый прибор состоял из простой оловянной посуды – глубоких мисок и тяжёлых кружек. Ложки были деревянными, а ножей и вилок не было вовсе. Сам обед тоже не блистал разнообразием: похлёбка из свеклы и капусты (картофеля тогда ещё не знали), перловая каша и кисель из брусники...

Княжеские чада с младых ногтей уже привыкли к тому, что принятие пищи являлось не просто привычной, естественной потребностью, а представляло собой некий торжественный, гастрономический ритуал. В Петербурге, в пышном дворце на Васильевском острове, обед частенько сопровождался игрою небольшого оркестра, все музыканты которого были иностранцы. Под звуки томной, ласкающей слух музыки дамы и господа неспешно поглощали разного рода деликатесы, развлекая друг друга учтивыми, приятными разговорами...

Нынешнее состояние, вернее – прозябание, угнетало больше всего девочек. Старшая – Мария – будучи «девицей на выданье», с особым вниманием и трепетом относилась ко всем необходимым, мельчайшим деталям, должным украшать её быт и радовать глаз. Здесь и радоваться было нечему.

Светлейший понимал состояние дочерей, подмечая, что характером они обе пошли в него. Только в его детские годы грубый, грязный вид родительского гнезда побуждал Алексашку как можно скорее вырваться из него в чистые, обихожённые, благоухающие дома. Они же, к несчастью, такой возможности уже не имели.

– Ешьте что Бог послал, – твёрдо, но ласково напутствовал он, видя, что старшая дочь брезгливо отстраняет ложкой капустные лоскутья. Зато сын быстро справился с похлёбкой и бодро налёг на кашу. Князь одобрительно улыбнулся, ударившись в воспоминания:

– Помню, в зиму перед Полтавской баталией морозы стояли вельми жестокие, и шведы вместе с Карлом шибко голодали. Лошадей дохлых ели и даже ворон палых...

Дочки брезгливо поморщились. Сын уплетал за обе щеки.

– А наши солдатики кашу с салом знай себе наворачивали, и никакой мороз их не брал! И воевали потом отменно!..

– Шведы кашу не любили, что ли? – не поняла младшая дочь.

Князь весело рассмеялся:

– Какое – не любили! Не было у них ни пшена, ни гречки... Гетман Мазепа Карла к себе заманил, а провиант – старый дурак – не в том месте оставил! Я все его запасы прибрал... Вот так-то!..

Мария, не доев похлёбки, уныло принялась за второе блюдо. Густое, тягучее варево не нравилось ей не только вкусом, даже видом. Отец заметил это и отчётливо произнёс:

– Нужда заставит и онучи есть...

– Онучи? – переспросил сын, уже управившись с едой. – Это что такое, папенька?

Светлейший нахмурился:

– Ну, подвёртки... То бишь портянки для сапог. Солдатская такая амуниция...

Чада испуганно переглянулись. Живое, юное воображение мигом обратило мимоходом сказанные слова в грозную действительность. Неужели их бедное, жалкое настоящее способно превратиться в ещё более ужасающее будущее?! Когда им всем придётся вместо скверной похлёбки глотать какие-то мерзкие, вонючие обмотки?! Тогда уж лучше умереть!..

9

После скудного обеда Светлейший всё-таки не утерпел и отправился взглянуть на работу своих помощников. Детей, наперекор их заветному нежеланию, он тоже взял с собой.

Больше всех неожиданной прогулке внутренне противилась Мария, однако не посмела сказать об этом вслух. Деспотическая воля отца не принимала никаких возражений.

Накинув поверх платьев длинные салоны (подобие плащей), дочери отправились следом за родителем и младшим братом. Узкие, грязные улочки захудалого городка были тихи и безлюдны. Небольшие, тесные домишки из плотных, округлых брёвен, посеревших от дождя и снега, казались высеченными из вечного, несокрушимого гранита. Как будто им не было износа и срока.

Берёзов не имел внешней оборонительной стены, подобно многим городам не только в средней полосе России, но и в Сибири, скажем, в том же Тобольске. Впрочем, при своём рождении в 1593 году Берёзовский острог эту стену получил. Только тринадцать лет спустя, после большого пожара, истребившего все дома, сгорела и крепостная стена. А строить её заново не было нужды. Берёзовские жители оказались настолько бедны и неимущи, что взять у них и медного гроша не довелось бы. А значит, и оберегать тут было нечего и не от кого...

Одинокая тощая старуха в немыслимом, заносенном до дыр рубище стояла у покосившейся калитки. Завидев князя, она низко поклонилась, коснувшись высохшей рукой до сырой земли. Его это ничуть не удивило, хотя, в отличие от него и его несчастного семейства, обездоленная, убогая, заброшенная на край света отшельница была лично свободной. И могла, если бы имела возможность, убраться отсюда, куда хотела. Но она прозябала здесь и просила милостыню.

Светлейший бросил ей алтын. Попрошайка мгновенно подобрала его и сунула в узкий, беззубый и беззубый рот. Мария и Александра, как будущие женщины, поразились и потряслись увиденным. Больше всего их ужаснуло жуткое безобразие и отталкивающий облик старухи. До сего времени они почти не видели ничего подобного и не предполагали, что такое может быть. Князь, поравнявшись с ними, заметил настроение дочерей и ободряюще улыбнулся:

– Не грустите, мои любезные! Жизнь – стёжка длинная да шибко изворотливая! Ещё и не такое увидеть придётся...

– Она – нищенка? – с каким-то участливым испугом спросила младшая.

– Кто её знает, – пожал плечами отец. – Может, бобылка, вдова бесприютная... Некому кормить и одевать её, убогую...

Дети подавленно молчали. Ещё некоторое время назад всё увиденное, вероятно, пробуди-

ло бы у них мимолётное любопытство, и только. И минуту спустя все они надолго забыли бы и бедную старуху, и щедрый жест отца, но теперь... Им ужасно не хотелось привыкнуть к мысли, что эти горькие, безрадостные картины станут их повседневной явью.

Светлейший почувствовал это и твёрдо произнёс:

– Говорят, что от сумы да от тюрьмы зарекаться не надобно... Всё в руке Божьей! – он размашисто перекрестился на ходу.

Сын и дочери не поняли окончательного смысла прозвучавших слов, однако уверенный голос отца немного ободрил их. Невдалеке возникло тихое, запущенное, неухоженное кладбище с покосившимися, ветхими крестами и провалившимися могилами. Отпрыски князя, как все дети, испуганно и подавленно озирались по сторонам, словно ожидая, что из осыпавшихся ям вот-вот вылезут на свет божий жуткие мертвецы и до смерти напугают всех. Или – хуже того – ухватят их за руки, за ноги своими цепкими, косявыми клешнями и утащат в преисподнюю...

Частый, дружный перестук топоров невольно отвлёк княжеских чад от мрачных мыслей. Притягательно запахло смолой и свежей стружкой. Светлейший ускорил шаги, и дети почти бегом заспешили вослед. Стук прекратился, и послышались нестройные, угодливые голоса:

– Доброго здоровья, Ваше сиятельство! Исполать Вашей милости!..

Плотники униженно кланялись князю в пояс. Светлейший ласково кивнул и приблизился к заготовленному сруб. Остов будущей часовни был готов почти на треть. Гладкие, ошкуренные бревна плотно, ладно налегали одно на другое, словно ровная стопа свежееиспечённых пухлых калачей. Князь попытался найти хоть малейший зазор между круглых, крепких лесин и не нашёл.

– Добро. Молодцы, ребята! – повернулся он к работникам.

– А ежели бы, Ваше сиятельство, их как следует обсушить – тыщу лет бы стояли!..

Хозяин согласов кивнул и негромко возразил:

– Твоя правда... Только ждать мне, православные, некогда. Дай Бог всё под кровлю возвесть!..

– Это нам раз плюнуть! Не извольте беспокоиться, Вашество! Всё будет в лучшем виде! Возведём!.. – наперебой загомонили мужики.

Княжеские чада смирно стояли в сторонке, безучастно наблюдая за действиями отца и его общением с работниками. Они привыкли к тому, что их родитель везде и всюду брал бразды правления в свои руки и все его охотно слушались. Им только

была невдомёк эта очередная затея и неременная спешка. Почему он так упрямо торопится? Может, возведя часовню, отец надеется, что его тут же простят и вернут в столицу?..

Светлейший наконец обратил внимание на сына и дочерей. Их скучающие, отрешённые позы и выражения лиц насторожили его.

– Вот поглядите, – отец показал на умело сбитый сруб, – скоро здесь будет молитвенный дом. И станут добрые люди в нём дорогих своих покойников отпевать... Приуготовлять их к Царствию небесному, – строгое и, по большей части, суровое лицо князя осветилось мягкой, сочувствующей улыбкой.

Плотники, с любопытством наблюдавшие за хозяином и его кротким семейством, успели-таки заметить, что произнесённые слова никак не повлияли на молодых господ. Пожалуй, скорее огорчили их. Князь тоже заприметил явное неудовольствие детей и нахмурился:

– Ладно, – бросил он угрюмо, – нечего балясы разводить! Трудитесь дальше ради Господнего дела... Бог вам за это воздаст! – он размашисто перекрестился, и работники, осенив себя крестным знаменем, дружно взяли за топоры.

Весь путь назад, в злополучный острог, вельможные изгнанники провели в тягостном, единодушном молчании. Князь догадывался, что его дети крепко удручены всем происходящим и эта недолгая прогулка ничуть не развеяла их подавленного настроения. Ему вдруг подумалось, что он, будучи в столь же юном возрасте, никогда не переживал ничего подобного даже в гораздо худшем положении...

10

Величину и протяжённость Российской империи Светлейший князь, слышавший вторым человеком в государстве, увидел и осознал, лишь оказавшись в шкуре ссыльного. Схоронив жену – Дарью Михайловну в небольшом селе Услон, недалеко от города Казани, на следующий же день семейство Меншикова под бдительным конвоем солдат в речном судёнышке отплыло вверх по Каме...

Могучая, широкая река, едва ли меньше Волги, куда она принесла свои тёмные, обильные воды, встревожила княжеских детей. Марьюшка, обнявшись с младшей сестрой, как две робкие горлилки, сидели под навесом, слушая надсадный скрип вёсел и стараясь не смотреть по сторонам. Отец догадывался, что их пугала не столько бездонная пучина за бортом, сколько

неизвестность. Куда, зачем и почему везут их всё дальше и дальше, в дикие, неведомые края?

О размерах и расстояниях своей немилосердной родины, зовущейся Россией, они знали куда меньше отца. Доселе знакомый, понятный, близкий им мир ограничивался только Петербургом, Ораниенбаумом и Раненбургом, где всё было устроено для их весёлого, сытого, безбедного существования. А теперь они стали похожи на жалкие, ничтожные щепки, влекомые неумолимым течением...

– Здешние люди-то бают, што не Кама впадает в Волгу, а наоборот, – поручик Крюков, глядя на князя, добродушно улыбался.

Александр Данилович безотчётно кивнул. Какая, в конце концов, разница – Кама ли несёт свои воды в Волгу или Волга в Каму? Но для людей, живущих на здешних берегах, это, по-видимому, было важно. Сын Александр, стоявший возле отца, насторожился. Он легче сестёр принимал удары судьбы, упавшие на их злосчастное семейство. А географические познания недоросля были значительно шире родительских. Его образованием – в отличие от Светлейшего – занимались домашние учителя.

– Папенька, кроме Камы, в Волгу впадают Ока и Ветлуга, – скромно подсказал мальчуган.

Поручик уважительно покосился на княжеского сына, а Меншиков удовлетворённо качнул головой. Его ободряло, даже радовало, что один его отпрыск худо-бедно старается держать себя в руках.

От воды веяло холодком. Стояла середина мая, недавно закончился ледоход, и река пока не успела вобрать в себя тепло очнувшихся от зимней спячки берегов. Ракиты, липы, берёзы, осины, ольховник, кое-где одевшиеся в листву, но в большинстве ещё нагие, щедро увешанные пушистыми, кокетливыми серёжками, теснились по густым поймам...

Чем выше поднимались узники по широкой, своенравной реке, тем суровой и угрюмой становились её берега. На смену светлым, сквозящим лиственным лесам пришли густые ели, пихты и лиственницы, словно Кама с трудом продиралась сквозь непроходимые таёжные дебри. Обе дочери и даже сын с испугом смотрели вокруг, будто подзревая, что эти мрачные чащобы кишмя кишат лешими, водяными и кикиморами...

Редко-редко им встречались крохотные деревушки на крутых увалах или одинокие хижинки у самой воды. Но ни одной живой души встретить так и не довелось. Скорее всего, таинственные жители здешних мест, услышав громкие голоса и плеск

вёсел, от греха подальше скрывались под пологом непроходимого леса. Кто знает, кого несёт по реке – лихих ли разбойников или царских управителей? А те и другие – одинаковая беда для простого вольного человека...

И сколь ни потрясён был Светлейший смертью любимой жены и своим униженным, бесправным положением, он невольно отмечал, что здешние людишки наверняка не платят никаких налогов и не несут ни малейших повинностей, какие положены всем российским подданным...

Только достигнув города Перми, арестанты и охранники увидели человеческие лица. Причалив к берегу, гребцы осушили вёсла, а на узкой кромке земли уже толпилась босоногая детвора, девки и парни постарше и даже вполне взрослые мужики и бабы. Онемев от изумления, они не отводили насмотренных глаз от прибывших гостей...

– Гляди – вперились как! Глазеют, ровно филины! Пермьяки – солёные уши, чёрт их дерит! – недовольно проворчал поручик.

Княжеский отрок услышал это и спросил отца:

– Почему у них уши солёные, папенька?..

– Не знаю, не лизал их, – Светлейший положил руку на плечо сына и слегка пожал его, давая понять, что услышать доведётся ещё и не такое. А барышни – Мария и Александра, увидев толпу чумазых, голоногих, одетых в самые немыслимые одежды существ обоего пола, всерьёз перепугались. Наверно, тот же испуг испытали матросы Магеллана, встретив диких папуасов.

Арестанты на берег не выходили. Охрана закупила продовольствие, и караван отправился дальше. Следующей остановкой, последней на Каме, был городишко Соликамск. Затем двинулись сухим путём по северному Уралу до истока бурной реки Тавды, впадающей в стремительный Тобол. Здесь уже не встречалось ни малейшего присутствия человека, и охрана держала ружья наготове.

В лесу часто слышался медвежий рёв, пугавший лошадей, и порой дорогу перебежали лоси и косули. Поручику Крюкову однажды удалось подстрелить молодого лосёнка, и княжеская семья отведала свежей сохатины, испечённой на углях...

Вопреки тому, что июнь уже близился к концу, в лесу ещё местами не стоял снег и, на счастье ссыльных, не успели появиться комары и мошка, которых, по словам конвойных, здесь была «полная гибель». В начале июля, наняв в небольшом «татарском» улусе лодки, узники и охрана устремились вниз по шумной таёжной реке. Теперь они проплывали в день вдвое большее расстояние, чем по широкой Каме...

Барышни от страха закрывали глаза и пугливо

ойкали, когда лодка насакивала на топляк или из прибрежных кустов проворно взмывала долгоносая серая цапля. Работники и слуги, смиренно следовавшие за господами, уныло смотрели по сторонам, готовя себя к грядущим нелёгким испытаниям. Будучи подневольными, зависимыми людьми, они привыкли, что их судьбами распоряжаются те, кому они служат.

В середине июля они прибыли в Тобольск, бывшую вотчину казнённого Петром губернатора Сибири князя Матвея Гагарина. Теперь его место занимал Михайло Долгорукий, родственник князя Василия Долгорукого, сторонника враждебной партии, близкой князю Дмитрию Голицыну.

Небольшой городок, над которым возвышался привычный кремль, расположенный на высоком холме, показался измученным ссыльным прибежищем мира и покоя. Словно нежданым приветом оставленной родины. И хотелось думать, что, наконец, закончились все невыносимые тяготы многотрудного пути. Но не тут-то было!

Всех, кроме княжеского семейства, на несколько дней заключили под стражу. Новый губернатор с глазу на глаз, при закрытых дверях имел продолжительное свидание со Светлейшим. Дал ему пару дней отдыха и под командой капитана Миклашевского, двух урядников и двадцати солдат отправил узников по реке Тоболу, впадавшей в Иртыш и далее в широкую, неприветливую Обь, где в устье холодной речушки Сосьвы приютился городишко Берёзов Сибирского гарнизона. На вечную ссылку...

11

Один из первых вельмож Российской империи граф Пётр Андреевич Толстой завершал на далёких Соловецких островах, в глухом остроге свою долгую, многотрудную жизнь. Узнику уже минул семьдесят третий год, и пребывание в тесном каземате, точнее – в каменном, сыром мешке, казалось ему подобием могилы. К тому же тюрьма не отапливалась, и бедному старику приходилось плотнее кутаться в шубу и не снимать шапку с лысой головы.

Воистину достойно изумления – как в его годы, после стольких мытарств, неся нелёгкую царскую службу: то воюя с османами, то со шведами, то сидя в земляной турецкой тюрьме, Толстой не отдал Богу душу в первый же день своего пребывания на Соловках?! А ведь на его месте любой другой человек, угодив под допросы с пристрастием, проводимые членами Следственной комиссии, скорее всего, не дожидаясь

до суда, не говоря уже о Соловецком остроге!

Заправителем всего содеянного был Светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Природный дворянин Толстой, конечно же, в глубине души всегда презирал и ненавидел наглого выскочку-холопа, но близость Алексашки к государю, его изворотливый ум, расторопность, умение угодить государю, трезвый и холодный расчёт, дальновидность, решительность и смелость вынуждали многих, не только Толстого, смиряться и молчать.

Пётр Андреевич и сам был далеко не промах. Многие черты, которыми блистал бывший лакей, в не меньшей мере отличали и его. Царь, со свойственной ему проницательностью, явно выделял Толстого из своего ближайшего окружения. Но за Петром Андреевичем упорно маячил давний, непростительный грех: в свои зрелые годы он рьяно подбивал стрельцов истребить всё семейство Нарышкиных. И кто знает, возможно, это давнее прегрешение Толстого являлось крепким залогом его усердных трудов на благо Отечества?

И даже теперь, на склоне лет, он не позволял себе всерьёз задуматься: где кроется различие между верной службой престолу и ревностным служением Отечеству? Для него эта непреложная обязанность всегда слыла чем-то единым и неделимым. А в те давние годы, возмущая народ супротив малолетнего царя, Толстой считал, что действует ради блага власть имущих. Разве мог во главе огромной державы стоять малолетний, неразумный отрок? Это злило даже буйных, переменчивых стрельцов...

Тайны царского двора отнюдь не были таковыми для простого «тяглового» люда и черносотенных крестьян. Все отлично понимали, что за крепкой кремлёвской стеной идёт неприкрытая, злобная, кровавая кутерьма, ничем не лучше, чем в разбойничьих вертепах. Поэтому от Толстого и не требовалось никаких особых героических усилий, чтобы разжечь пламя мятежа...

Но кровавый бунт закончился полумерами. Нарышкиных отстранили от прямого правления, однако не истребили под корень. А Пётр Толстой предусмотрительно уклонился от грубого, наглого дележа власти – ведь в её прямой расклад вмешался сам глава стрельцов – знаменитый князь Хованский. Он приступил к делу круто: два года спустя, заручившись согласием своих подчинённых, князь решил свергнуть царевну Софью, фактическую правительницу России, и самому занять трон...

Как знатный потомок князя Гедимины, Хованский полагал, что он гораздо больше достоин престола,

чем «худородные» бояре Романовы. Только сторонники царевны оказались проворнее – заносчивого князя вместе с сыном схватили по дороге в собственное имение, привезли в дальнее село, где без всякого суда и следствия сумасбродам мигом отрубили головы...

Толстой в сём откровенном бесчинстве участия не принимал. Тогда ему уже «стукнуло» сорок и пришла пора заметно остепениться. Пётр Андреевич, по-видимому, уразумел, что время буйных, мятежных перемен минуло. Хотя правление царевны Софьи, окружённой жадною толпою родственников и дерзких фаворитов, среди которых выделялся блестящий, щеголеватый князь Голицын, не слишком нравилось ему.

Остроуму, дотошному уму Толстого стало очевидно, что при подобном ведении дел успеха не добиться ни ему, ни государству российскому. С треском провалив два военных похода против крымских татар и всё же получив неизменное одобрение и щедрые награды от царевны, князь Голицын навсегда утратил почёт и уважение своих сограждан, как власть имущих, так и простого люда.

А его горячая покровительница и «дама сердца» царевна Софья с ужасом и отчаянием уразумела, что власть – неумолимо и безвозвратно – уплывает из её рук! И ни рыная заступа ближайших родственников, ни коварные и жестокие планы отчаянных приверженцев не спасут её.

Пётр же Андреевич Толстой в это смутное, но судьбоносное время пребывал далеко от столицы, в заштатном северном городишке с громким, претенциозным названием «Великий Устюг». Он напросился туда воеводой...

12

Когда Светлейший оказался в Берёзове, граф Толстой провёл на Соловках более года заточения. Странная, причудливая судьба этих двух, во многом похожих и разных людей наверняка будет тревожить не одно поколение наших соотечественников. Потомственный дворянин Толстой и сын царского конюха Меншиков были неимущими от рождения. Предки будущего графа числились «служилыми дворянами», то есть у них отсутствовало движимое и недвижимое имущество. Ни сёл, ни деревень, ни сотен крепостных у Толстых не имелось. Жили они только доходами от государственной службы.

А за Алексашкой, кроме «вольной волюшки»,

поскольку он не был крепостным, не стояло ничего. Значит, в изначальном своём желании поскорее найти «тёплое местечко» и сделать успешную, а желательно – головокружительную карьеру оба оказались на редкость единодушны. И одинаковое, неумённое рвение двигало ими. Однако судьба, вернее – время – распорядилось по-разному...

Пётр Андреевич был на двадцать восемь лет старше и появился на свет в городе Чернигове. (Отец его служил там местным воеводой.) В ту пору, когда ему удалось попасть ко двору, российским государством правил добрейший, милосердный царь Алексей Михайлович, в народе прозванный «Тишайшим».

Приверженец желанного порядка и покоя, только, к несчастью, не избежавший решительных, крутых перемен, напуганный то «соляными», то «медными» бунтами, то ужасающим восстанием Степана Разина и непримиримым церковным расколом, смиренный властитель пытался последние годы своей жизни провести в тихих семейных радостях...

После кончины первой жены Алексей Михайлович вступил в брак с юной красавицей Натальей Нарышкиной – дочерью незнатного и небогатого дворянина. Комнатным стольником к ней определили двадцатилетнего Толстого. Место было удобным и «хлебным» до тех пор, пока был жив милосердный государь.

Но супружеским счастьем и рождением детей – сына Петра и дочерей – Натальи и Феодоры – Алексей Михайлович наслаждался недолго. Пять лет спустя он «почил в Бозе», и трон по праву занял его старший сын от первой жены – Марии Милославской – Фёдор. Не теряя времени даром, Толстой перешёл на службу к новому самодержцу.

Стала ли эта «перебежка» прямым либо косвенным предательством? Трудно сказать... С одной стороны, Петра Андреевича можно понять – у него тоже сложилась семья и родились дети, которых следовало растить и выводить в люди. А с другой – родственники двух жён покойного царя так ненавидели и мечтали сжить друг друга со света, что жить между ними в мире и согласии не было ни малейшей возможности. И, значит, приходилось выбирать сторону сильнейшего.

Толстой, недолго думая, выбрал Милославских. Их было гораздо больше, и за десятилетия пребывания на вершине власти они прочно «обросли» тесными связями, верными сторонниками и пособниками. А проворный стольник всё-таки остался человеком со стороны.

И посему в силу своего подчинённого положения

Пётр Андреевич никак не мог повлиять на смену верховного правителя страны, зато выказать очевидную, отменную прыть, тем самым упрочив собственную карьеру и сделав её более успешной, – это ему удалось. Только вот мужское потомство Тишайшего от его первой жены, к несчастью, уродилось слабым и нежизнеспособным.

Немощный и бесплодный Фёдор, заняв трон, шесть лет спустя скончался. Последний же отпрыск по линии Милославских – царевич Иван – вырос припадочным, полуслепым и слабоумным. Большинству тогдашней дворцовой знати иметь такового в роли славного российского самодержца представлялось досадным курьёзом. И выбор пал на десятилетнего Петра. (Точнее – на девятилетнего. День рождения мальчика приходился на 30 мая. А знаменитый стрелецкий бунт вспыхнул 15 мая.) Выходит, «процарствовал» юный монарх чуть больше полумесяца.

Но стараниями Милославских, особенно честолюбивой, властной Софьи и при неистовом участии Толстого, на троне (который для этого вдвойне расширили) уселись два единокровных брата – Иван и Пётр. А за их спинами прочно утвердилась старшая сестра...

Для России, как, впрочем, и для многих соседних стран подобное «троецарствие» было явно в диковину. Кое-кто даже видел в этом безусловный казус, который не мог существовать прочно и долго. И Толстому тоже так думалось. А не получив от смены власти никаких весомых щедрот, он потихоньку удалился от двора.

Юный же Алексашка Меншиков в это самое время бойко торговал пирожками и вовсе не помышлял об успешной, стремительной карьере. Скорее всего, не очень понимая, что это такое. Однако жизнь заметно менялась. В матушку-Москву усилился приток иностранцев, безо всякого разбора окрещённых «немцами». За тихою рекой Яузой им отвели свободные земли для так называемой «Немецкой слободы», в просторечье именуемой «Кукуй».

Её обитатели начали усердно строиться. Если дома москвичей были в большинстве деревянными, то «кукуйцы» воздвигали свои жилища из кирпича. Причём, что самое удивительное – все эти кирпичные строения, возведённые одно подле другого, составляли целую улицу! И делалось это в то самое время, когда коренные жители столицы ставили свои бревенчатые избы сплошь в глубине двора. А улицы с обеих сторон ограничивали высокие, глухие заборы.

По сути, это был не город, а непомерно, безоглядно разросшаяся деревня. И делилась она на

несколько неравных частей. Самой главной и важной слыл, естественно, Кремль, обнесённый вокруг высоченной, мощной, неприступной стеной. К нему примыкал так называемый «Китай-город», который с юга прикрывала не менее грозная стена, а с запада и востока – высокие берега рек Москвы и Неглинной. Оба эти района охватывали тесным полукругом бесчисленные строения «Белого города», снаружи защищённого деревянными стенами и дозорными башнями.

А с внешней стороны в полном беспорядке располагался «Скородом». Из самого названия видно, что люди здесь селились проворно и быстро – на скорую руку. И тем не менее снаружи его тоже защищала ещё одна крепостная бревенчатая стена. А за Москвою-рекой, в Замоскворечье, теснились избёнки беспокойных стрельцов...

Алексашка, в отличие от Толстого, родился в Первопрестольной и с раннего детства отважно лазал по чужим садам и огородам, зная каждый укромный уголок родного города. Живой, дотошный, ненасытный, он с рассветом сбегал из родительского дома, до вечерних сумерек пластаясь по улицам вначале Скородома, потом за Белгородской стеной и далее – в богатых кварталах Китай-города, вплоть до самых башен Кремля.

В ситцевой косоворотке, в штанах из пестрядины, босиком, но непременно в отцовском малахае. Ходить с непокрытой головой тогда считалось верхом неприличия. Только несмышлёные ребятишки могли показаться на улице без головного убора. Им это позволялось. А уже подростки любого пола, в зависимости от достатка и положения своих родителей, обязательно носили шапки или платки. И чем знатнее и богаче были отцы, тем дороже и нарядней выглядели головы их детей.

Сорвать, сбить с чужой головы шапку считалось жутким позором и бесчестьем. Если несправедливо униженный умел ударить обидчика так, что с него мигом слетал головной убор, то справедливость считалась восстановленной. Дабы избежать поношения, обидчик тут же искал шапку и водружал её на должное место, а сам конфликт кончался миром.

Как-то Алексашка стал свидетелем курьёзной сцены: по кривой, нечистой улочке Скородома шёл подгулявший поп. В чёрном суконном подряснике и бархатной тёмно-синей скуфейке. Его проворно нагнали трое крепких мастеровых. Двое умело подхватили священника под руки, а третий бережно снял с него бархатную шапочку и положил её на землю. Потом все они дружно треснули попоу по шее и пояснице, нахлобучили на него скуфью и тут же кинулись

врассыпную... На выручку священника уже спешили набожные прохожие...

Дома Алексашка, смеясь, рассказал эту историю матери и сёстрам, все три девчонки весело хохотали, одна мать удручённо покачала головой, перекрестилась и сокрушённо вздохнула. Но вошедший в дом Данила-конюх доходчиво разъяснил:

– Сан его они уважили... Негоже с батюшки колпак сбивать. За это батогами бьют на торговой площади!..

И сын понял разницу не только в положении тех или иных людей, но и в деталях их одежды. Собственные обноски давно не нравились ему.

Однажды, проникнув за каменную стену Китай-города, семилетний мальчуган случайно увидел пышную и диговинную картину: по самой середине улицы в сопровождении полусотни пеших холопов ехала карета, запряжённая четвёркой гнедых лошадей. А за нею с шестью белоснежными конями в упряжке двигался экипаж ещё нарядней...

Но не это привлекло жадное внимание сына конюха – лошадей он насмотрелся с раннего детства. То, что предстало его изумлённому взору, могло потрясти любого. Вслед за дорогим, просторным экипажем старательно выступали четыре пегие маленькие лошадки, влекущие расписанный золотом, высокий, наполовину застеклённый возок, похожий на дорогой ларец. По обе его стороны шли четыре маленьких человечка в богатых кафтанах, а сзади на крохотном коньке ехал верхом ещё один.

– Ишь ты, карлы какие! Один другого мельче!.. Надо же! – услышал Алексашка удивлённый и озадаченный возглас.

Мужик-разносчик, оказавшийся рядом с ним, недоверчиво качал головой.

– А кони? – спросил его мальчик. – Нешто это жеребята?

Сосед хитровато покосился на него:

– Куды там! И кони тожеть той же породы... Мелюзга, стало быть...

– А кого они везут?

Мужик нахмурился: – Наследника царского. Вон он, в окошко глядит... Шапку живо сими, кланяйся, малец!..

Алексашка и вправду увидел за стеклом круглолицего мальчика с большими карими глазами и в бархатной пурпурной шапке, усыпанной жемчугом и дорогими камнями. Тут же стянув с макушки свой старый малахай, сын конюха склонился в поясной поклон, не отводя глаз от необыкновенного зрелища...

По обе стороны дороги теснились толпы зевак, низко кланяясь дорогим каретам вдовствующей царицы и её малолетнего отпрыска. Большинство знало, что это вдова царя Алексея и его сынишка Пётр. А едут они к себе в село Преображенское...

13

Пётр Андреевич Толстой увидел царя Петра в 1694 году, служа воеводой в Великом Устюге. Двадцатидвухлетний царь, наскучив водными забавами на Переяславском озере, решил всерьёз заняться «морскою наукой». И для этого с четырьмя сотнями верных, испытанных людей он отправился в далёкий город Архангельск, на побережье Белого моря...

Добравшись до Вологды и встретив там начало ледохода, по реке Сухоне, на вёслах и под парусом, царская флотилия поплыла вниз по течению. Планы у Петра были грандиозные. За короткое лето он мечтал построить несколько кораблей, заложив основу целому северному флоту. И, сидя одиночкой под навесом на корме своего струга, царь что-то старательно чертил и писал, макая перо в походную чернильницу.

Незаметно подкрадываясь Алексашка, глядя на усердные труды своего господина, осторожно осведомился:

– Неужто, мин херц, это будет верфь архангельская?.. Не рано ли?..

На небольшом листе бумаги Пётр изобразил неровный прямоугольник, разделённый на три почти равные части. И на каждой написал что-то неразборчивым, летящим почерком. Неграмотный денщик всмотрелся: ниже первого чертежа косо пристроился ещё один, но поменьше. Тот же прямоугольник с тремя полосами, только зачем-то переречённый с угла на угол широким крестом...

– Это флаг, – снисходительно пояснил царь, видя, что верный холоп безуспешно ломает голову, – сверху будет белая полоса, потом синяя, – он ткнул пальцем в серединку будущего национального стяга, – а ниже червлёная...

– А тут ты его почему-то зачеркнул... – не преминул вставить догадливый Александр, указав на второй чертёж.

Царь усмехнулся:

– Это будет флаг морской. С крестом Андреевским. На таком кресте равноапостольного Андрея распяли за то, что он когда-то хотел нашу Русь окрестить...

Невежественный помощник смолчал. Библейскую историю, впрочем, как и отечественную, он, разумеется, не знал, но не забыл уточнить:

– А где его вешать-то надобно?..
– Флаг-то? – царь окинул глазом судно, на котором они плыли. – Да на мачте, выше паруса...

Слуга проследил за взглядом хозяина: караван из двух десятков ладей и стругов бодро сплавлялся по холодной северной реке. Берега её были тихи и пустынные. Ни сёл, ни деревень, ни одиноких хижин не виделось на диких, поросших тёмным лесом откосах...

– Вот поглядит кто-то с берега, – раздался глуховатый голос Петра, – кто плывёт, какие люди? Свои либо супостаты? Как узнать?

Александр повернул к нему голову. Царь широко улыбнулся:

– А тут над каждым судном флаг будет реять!.. Наш, русский... Бояться, стало быть, нечего. Свои плывут!

Помощник осторожно возразил:

– Откуда они это узнают?..

– Кто?..

– Ну, мужики тутошние...

Пётр минуту подумал и твёрдо заключил:

– Узнают! Этот флаг по всей матушке-Руси разойдётся... Разве мы хуже Дании или Голландии?..

Алексахка возражать не стал. Хотя фантазии молодого государя иногда казались ему чересчур смелыми и недостижимыми, какое-то внутреннее чувство заставляло его смиряться и молчать. С годами он твёрдо понял одно: сделавшись ближайшим наперсником самого царя, он сможет шагнуть так далеко, что немногим удастся его остановить...

На пятые сутки вездесущий Алексахка увидел на левом берегу глухой земляной вал, за которым поднимались кресты, купола православного храма и тёмные крыши домов...

– Никак село какое-то? – спросил он у пожилого кормщика.

– Город Великий Устюг, – уважительно отозвался тот.

– Да ну? – удивился бойкий денщик и только хотел отпустить какую-то шутку, как на валу загремели пушки, а крутой берег окутался густым сизым дымом. Гребцы шумно побросали вёсла и все, сидевшие и лежавшие в ладьях и стругах, разом вскочили на ноги.

– Они чаво – ошалели, што ли?! – возмущился бывалый кормщик. – По своим палят, ироды!..

Наверху раздался ещё один дружный залп. На всякий случай все низко пригнули головы, но ни ядра, ни картечь не упали на воду.

– Это выстрелы холостые... – раздался ободряющий голос царя. – Салютом зовутся, бояться их нечего!..

Пётр повернул голову к многочисленной свите: – Кто у них воеводою?

– Петруха Толстой, – сердито ответил один из окружения – молодой боярин Андрей Матвеев. Царь зорко взглянул на него, насупился и решительно приказал:

– Всем на вёсла! Гребём живей на берег!..

Повторять команду не пришлось. Ухватив тяжёлые рукояти до блеска отполированных мозолистыми руками вёсел, дюжие гребцы направили все суда навстречу громкой пальбе...

А с высокого откоса уже поспешно спускалась толпа нарядно одетых людей, и впереди выступал немолодой, в дорогом кафтане мужчина, с окладистой, в серебряных нитях бородой и внушительной непокрытой головой. Обширная плешь прямо-таки сверкала на майском солнце.

– Это сам Толстой, – мстительно подсказал царю оказавшийся рядом Матвеев.

– Вижу. Догадался, – угрюмо буркнул Пётр, – крёстный мой, как-никак...

Матвеев вопрошающе взглянул на него, но, заметив недобрый блеск в глазах царя, удовлетворённо притих...

14

– Ты прости меня великодушно, Пётр Алексеич! Помилосердствуй, Бога ради! Пощади старика... По окаянному недомыслию своему тот грех я содеял! Сам себя за то казнить не устаю! Поделом мне... – большое, осязаемое лицо воеводы было мокро от слёз.

– По недомыслию?! – царь криво усмехнулся. – Слухи-то гуляют, что держать тебя в дураках себе дороже! Зело хитёр ты будто да увёртлив к тому ж...

В комнате повисла мёртвая, зловещая тишина. Денщик государя и ближний боярин Матвеев понимающе переглянулись.

– Я тогда мальчонкой был... – голос царя дрогнул, – но по сию пору помню... – он кивком указал на боярина, – как его страдальца-отца стрельцы на копья приняли! Старца почтенного. Ни лет не пощадили, ни заслуг!

Толстой не поднимал головы.

– Матушка моя, царство ей небесное, чуть не померла со страху... – Пётр взял себя в руки и сурово продолжил. – Разве не ты был всему потатчик?! Не твоими ли руками письма подмётные писаны и не ты ли стрельцов бунтовать наущал?! Громить, жечь и резать! Ответствуй!

Толстой упал царю в ноги, громко стукнув о пол своей плешивой головой: – Пощади, госу-

дарь! Дай тот тяжкий грех искупить! Клянусь...

– Не клянись! – перебил Пётр. – Не то проклятье получишь... – он толкнул виновника сапогом. – Подымайся, окаянный! Помни одно – той вины тебе вовек не искупить!

Меншиков и Матвеев молча созерцали валявшегося в ногах у царя воеводу. Ссора вспыхнула внезапно. Поначалу Пётр, встретившись с бывшим зачинщиком бунта, умело сдерживал себя. Ведь Толстой, кроме громкого, праздничного салюта, приготовил обильный стол: там была дичь и рыба, пироги, расстегаи и кулебяки, водка и вино...

Молодой государь со своими помощниками выпил изрядно, но, по обыкновению, почти не опьянел. Воевода пил мало. Он не слыл ярым «поклонником Бахуса», в отличие от разгульной царской свиты. Это или что-то другое вдруг насторожило и раздосадовало Петра, и он напрямую призвал виновного к ответу. А тот рухнул к его ногам.

Верный Алексашка, глядя на жалкого, поверженного воеводу, едва припоминал события двенадцатилетней давности. Ему, девятилетнему парнишке, не удалось тогда увидеть воочию тот знаменитый бунт. Отец накрепко запер его в чулане, где хранились хомуты, сёдла и сбруя. Он лишь только слышал, как над Москвою гудел грозный, устрашающий набат...

Андрей Матвеев, будучи в тот злосчастный год шестнадцатилетним юношей, чудом избежал смерти. Он находился в гостях у приезжего француза, в Посольском приказе, который буйные смутьяны не посмели разорить. А его почтенного отца стрельцы приняли на копыя. И теперь, видя унижение бывшего вдохновителя мятежа, оба воспринимали его по-разному. Александр наблюдал это с заметным любопытством, а молодой боярин с неутолимым желанием отомстить.

Пётр поднял на них глаза:

– Ну, что скажете, любезные? Что нам с этим подлым кромешником сотворить? На дыбу его подвесить или пулю в лоб вогнать?!

Толстой не шевелился. Царь пихнул его носом сапога:

– Ты живой аль нет? – он склонился над лежащим. – Да он никак сомлел, – Пётр повернул голову к денщику, – а ну-ка живо зови лекаря!

Алексашка вскочил и выбежал вон, настезь распахнув дверь. Пётр невольно посмотрел ему вслед и заметил гнетущую картину: в соседней комнате, в десяти шагах от входа теснилась жалкая кучка убитых горем родственников Толстого. Сыновья Иван и Пётр, их жёны, тётки, тети и малые дети, уже ронявшие потоки слёз...

Вмиг представив, как вся эта орава бросится

ему в ноги и начнёт истошно голосить и умолять, царь прошипел:

– Шибче затвори дверь!..

Матвеев мигом исполнил приказ, а виновник всего происходящего тихо застонал. Царь тронул его за плечо:

– Ну, потерпи чуток... Сейчас лекаря приведут... – голос его заметно подобрел.

Матвеев с огорчением понял, что всеильный гнев царя угас и его давний заклятый враг скорее всего будет помилован. Алексашка привёл немца-лекаря. Бедного воеводу уложили на лавку, и лекарь умело пустил ему кровь, а потом поставил на голову компресс. Государь неотступно при этом присутствовал, ценя и обожая всяческие медицинские процедуры. Родственники пожилого хозяина, кроме его малолетних внуков, тоже просочились в комнату, поближе к широкой лавке, на которой лежал больной.

Толстой наконец открыл глаза и отсутствующим взглядом окинул лица собравшихся, словно никого и ничего не узнавая. Матвеев готов был поклониться, что воевода искусно притворяется. Но вот глаза Петра Андреевича остановились на царе, и хитрец сделал попытку подняться.

– Лежи-лежи! – успокоил его Пётр, придержав бедолагу за плечо.

Воевода громко чмокнул губами, как бы благодарно, на лету целуя руку самодержца.

Алексашка почти равнодушно следил за ловкими проделками дошлого воеводы, никак не предполагая, что их судьбы не в столь далёком будущем переплетутся так тесно и неразделимо, что оторвать одну от другой станет попросту невозможно.

И Пётр Андреевич тоже не обратил ни малейшего внимания на шустрого царского слугу, вовсе не думая о том, что этот проворный холоп вскоре станет вторым человеком в государстве и ему придётся унижаться и заискивать перед ним, ища милости и покровительства...

15

В маленький городок Берёзов властно прикатила осень. Сентябрьское солнце вставало медленно и неохотно, остывший за ночь воздух едва-едва согревался только после полудня. Зато совсем исчезли комары и ненасытный гнус. На тоненьких берёзках и осинках зябко трепетали колеблемые северным ветром увядшие, пожухлые листья. А стройные, прямые, зелёные лиственные вконец вдруг стали ярко-жёлтыми. Их нежные, пушистые иголки превратились в золотые ресницы...

На постройку часовни ушло около двух сотен стволов – целая роща. Но Светлейший полагал, что дело того стоило. Особо набожным он не слыл никогда, но как всякий русский человек в глубине души опасался влияния Высших неведомых сил. Кто знает, из чего и как складываются людские судьбы? Почему кому-то несказанно везёт, а кто-то влачит свою жалкую жизнь в нищете и забвении? И где достойные примеры того, как следует распорядиться данным тебе от рождения богатством – материальным и духовным?..

Светлейший вспоминал царя. Покойного самодержца природа одарила необычайно – исполинским ростом, богатырскою силой, в юности он был очень красив – это отмечали многие, даже иностранцы. И ум имел недюжинный. Алексашка всегда признавал, что государь все свои силы и редкие таланты не скупясь положил на благо родной страны. А сам носил стоптанные башмаки, заштопанные чулки, имел единственный парадный кафтан и ездил, по большей части, в почтовых повозках...

В былые годы в голову князя не однажды приходили каверзные мысли: пусть царь живёт как хочет – ходит, ест и носит что попало – ведь в любой момент он может забрать себе хоть целое государство! Он же самодержец! А Светлейший и ему подобные зависимы кругом. И потому не должны пренебрегать ни поборами, ни мздоимством, ни грабежом, ни всяческими благами, невзначай плывущими им в руки. Как знать, что ждёт каждого в недалёком будущем? Ну, пусть не его самого, так детей и внуков...

Часовня, возводимая по замыслу Светлейшего, должна стать высотой в пять саженей. Сейчас она была готова на три четверти. Испугавшись приступов кашля и ночного кровохарканья, князь уже не рисковал брать в руки топор, но неизменно находился вблизи своих работников. Надев тёплый суконный кафтан, шапку и высокие сапоги, он с рассветом приходил на погост и начинал подгонять мужиков:

– Ну, давайте-давайте, молодцы! Дело да погода ждать не любят! – князь посматривал на серое северное небо и досадливо хмурился. – До морозов надобно крышу покрыть и пол настелить...

– И покроем, и настелим, Вашество! Не извольте тревожиться! Вот вам крест! – клялись мужики.

Светлейший верил и не верил этим обещаниям. Происходя из самого что ни на есть простонародья, он знал, насколько беспечен, самонадеян и увёртлив может быть обычный русский мужик. И потому не спускал с работников глаз. Они же, тяготясь присутствием хозяина, тем не менее усердно

тесали, конопатили и стучали топорами, нещадно костеря его в глубине души. Им было невдомёк, почему он так торопится. Ну не успеют они закончить храм к зиме, так что из того? Значит, будет он готов к весне. Всего и делов-то...

А князь отнюдь не собирался объяснять причину своей спешки. Не хватало ещё посвящать в свои задумки чёрный люд! Это не их ума дело. Кстати, и сами работники несказанно бы удивились, если бы хозяин вдруг да решил поделиться с ними своими сокровенными тайнами и планами. Они даже не подозревали, что тут действовал извечный русский закон: любая власть должна быть недосягаема и непогрешима. Ей вовсе не подобает объяснять, а тем более оправдывать свои приказы и поступки. Простой народ попросту обязан их выполнять. А как иначе?

И хотя Светлейший пребывал здесь в качестве обычного узника – работники не забывали, что ещё совсем недавно он был на вершине могущества и, как знать, не возвратят ли его обратно? Кстати, и сам Светлейший частенько об этом подумывал.

Ненасытно, жадно вкусив от сладких плодов властолюбия, он тоже не удосуживался всерьёз понять, что такое сама природа власти. Пожалуй, только Пётр знал, в чём её грозное могущество и проклятье, временами остерегаясь, даже пугаясь собственного величия. А князь после его кончины на собственной шкуре почувствовал, как она шатка, обманчива и призрачна, но увы!..

Полуденное неяркое солнце поднялось чуть выше небольшого холма, поросшего елями, берёзками и осинками, и его мягкие, ласковые лучи насили согрели зябкий, коченеющий воздух. Торопливые, настойчивые шаги послышались со стороны кладбища. Светлейший повернул голову.

Служанка Анисья, крепко прижимая к груди обёрнутый в тёплый платок глиняный горшок, спешно поднималась на пригорок. Князь молча сидел на неошкуренном бревне, зорко следя за работой плотников. Женщина, переводя дух, чуть сбавила шаг, искательно улыбаясь:

– Кашки, Ваше сиятельство, я вам принесла!.. Должно, ещё горяченькая...

Она замерла в двух шагах, не смея придвинуться ближе. Благодарная улыбка тронула узкое, длинное лицо Светлейшего. К простым людям он относился вполне открыто и доброжелательно, иначе, чем к именитым и знатным. И всё-таки надменное, высокомерное выражение сквозило во всём его облике.

– Дети отобедали? – заботливо осведомился он, протягивая руки.

– Покушали, Ваше сиятельство, – коротко ответила служанка, робко сделав мелкие шажки навстречу господину.

Плотники, не прерывая работы, искоса бросали быстрые взгляды в сторону хозяина, невольно сглатывая слюну. Князь умело развернул платок, и лёгкий парок облачком поднялся в остывший воздух. Анисья протянула ему ложку. Светлейший помешал в горшке, а вокруг разнёсся дразнящий аромат гречневой каши. У одного из работников сорвался топор в руке, он глухо, невнятно выругался. Князь сердито покопился на него, проворно перекрестился и опустил ложку в горшок...

Служанка не спускала с него зорких, преданных глаз, всем своим видом участвуя в размеренной трапезе хозяина. Стук плотничьих топоров как-то ощутимо притих, работники явно не желали досаждать господину шумом своих грубых инструментов и тем самым портить ему аппетит.

Светлейший нахмурился, ещё несколько раз нырнул ложкой в тёплый горшок, привычно обливал её и сказал со вздохом:

– Спасибо, голубушка! Каша что надо...

Анисья с поклоном приняла посудину, а князь глянул на притихших работников, остановился взглядом на самом молодом и приказал:

– А ну, Стёпка, принеси-ка мне воды!

Коренастый белокрысый малый мигом схватил деревянный ковшик и суматошно метнулся к ведру, стоявшему подле незаконченного сруба.

– Из реки черпни! – остановил его князь.

Малый рысью бросился вниз с пригорка. Анисья вопросительно посмотрела на хозяина.

– Ступай, голубушка! – ласково обронил тот и напомнил: – За детьми доглядывай... Отец, мол, велел Библию читать...

Женщина покорно кивнула, бережно обернула горшок платком и проворно направилась в сторону городка. А на пригорок, запыхавшись, взбежал белокрысый Степан, держа на отлёте ковш, полный студёной воды из таёжной реки Сосьвы. Князь чуть улыбнулся. Плотники дружно застучали топорами...

16

Граф Толстой отбывал на Соловецких островах свою ссылку не один. С ним мыкал горе его любимый сын Иван. По приказу Учреждённого суда их поместили по разным камерам, исключив любую возможность общения. Отцу полагался наиболее холодный и тесный каземат, сыну «полегче». И вопреки тому, что Петру Андреевичу было уже за

восемьдесят и он полжизни страдал подагрой, а сын был на четверть века моложе, 7 июля 1728 года Иван Петрович скончался...

Как прилежно доносил в Санкт-Петербург начальник охраны поручик Лука Перфильев: «Заболел с Великого поста, перед смертью припала к нему горячка, много бредил, кричал, якобы он охотник на зайцев. Просил бочку пива, бочку мёда. Умер болезнью цинготной».

Пётр Андреевич в это время находился за глухой каменной стеной и не слышал горестных воплей сына, ничего не зная о его жестокой болезни, поскольку строжайшими инструкциями из столицы узникам категорически запрещалось видаться, разговаривать и «писать тоже не велено». О смерти дорогого наследника Толстой узнал несколько дней спустя. Поручик Перфильев пришёл к нему в камеру, предварительно отомкнув увесистый замок, сняв железный засов и с усилием распахнув тяжёлую дверь...

Ещё совсем недавно это была рядовая монашеская келья, с окном и привычным входом, но к прибытию знатных арестантов Перфильев велел наглухо заложить окно кирпичом и навесить крепкие запоры. Как будто немощный, слабый старик мог, поднатужившись, выйти на волю!..

В камере в правом углу под потолком мерцала скудная лампадка. Иконка Богородицы с Христом-младенцем на руках едва различалась в полумраке. Бедный затворник лежал на широком топчане, укрывшись одеялом на беличьем меху. Несмотря на июль, в тесной камере было холодно. Молодому, крепкому, здоровому человеку такая температура показалась бы вполне сносной, но больному старику не хватало тепла.

Поручик осторожно кашлянул. Толстой поднял голову от подушки:

– Кто тут?..

Перфильев негромко ответил:

– Это я, Ваша светлость...

Невзирая на своё начальственное положение, глава охраны неизменно заискивал перед славным невольником. Кто знает, куда повернёт судьба? Вдруг знатному вельможе выпадет монашеское прощение и тогда он наверняка вспомнит своего доброго стража.

– Лука? – переспросил старик и, кряхтя, спустил ноги с топчана.

Перфильев, стуча сапогами, вошёл в каземат:

– Он самый, Ваша светлость... – глаза его с трудом осваивались с полумраком, – что-то больно темно у вас...

Толстой пробурчал:

– В турецком зиндане ещё кромешней было...

Поручик достал из одного кармана кресало и кремень, из другого – сальную свечу.

– Ты, никак, хочешь огонь вздуть? – Толстой качнул крупной головой. – Лучше вон подпали свечку от лампы...

Поручик послушался. Перекрестившись и осторожно сняв с полочки ночник, он поднёс к нему пеньковый фитилёк и, дождавшись, когда крохотный язычок пламени соскользнёт на возгласие свечи, бережно поставил лампадку перед иконой. В камере заметно посветлело.

Перфильев вновь мелко перекрестился, сделал осторожный шаг к столу и умело опустил горящую свечу в пустую оловянную солонку. Граф, сидя на постели, внимательно следил за ним. Седые, лёгкие волосы вокруг его обширной плечи отросли почти до плеч, белая всклокоченная борода неряшливо торчала во все стороны, маленькие потускневшие глаза едва мерцали из-под густых, лохматых бровей...

Поручик бросил на него короткий взгляд и виновато произнёс:

– Иван Петрович преставился...

Толстой не шевелился. Перфильев искоса глянул на него и хотел повторить фразу, но осиротевший узник вдруг медленно перекрестился, насколько позволяла ему слабая, безвольная рука, и прошептал:

– Когда?

– Третьего дня... – покаянно ответил страж.

Старик сомкнул бескровные, пергаментные веки, и по бледным щекам его невесомо скатились крупные, прозрачные слезинки...

В подневольной, очерствелой душе охранника тоже что-то дрогнуло, он хрипло кашлянул, словно подавляя нежданные всхлипы. Граф тяжело вздохнул и открыл глаза. В них не читалось ничего, кроме безграничной, отрешённой пустоты. Казалось, несчастному невольнику теперь никого и ничего не жаль. И в этой суетной, несправедливой, жестоко-сердной жизни его ничто уже не держит...

Поручик ужаснулся. Он вдруг понял, что знатный арестант почти не жилец на этом свете. Ещё минута-другая, и тот отправится к праотцам. А что он – начальник охраны – напишет в донесении? Мол, узник имярек скончался в одночасье прямо на его глазах?! Кто же этому поверит!

Перфильев откашлялся и вполголоса доложил:

– А князь Светлейший, Ваша милость, в Сибирь сослан... В Берёзов-городишко...

Толстой не двигался. Охранник вдруг обеспокоился. Он сболтнул эту новость почти машинально, желая поскорее отвлечь своего подопечного от горестных мыслей.

– Бают, будто у него все имения отняли. Нынче он гол как сокол...

– Кто? – чуть слышно спросил бедный старик.

– Да князь Светлейший... Александр Данилович Меншиков, – охотно прибавил поручик.

Видимо, страждущая душа арестанта не слишком далеко унеслась от слабого, брэнного тела, и упоминание о заклятом враге возвратило её на прежнее место.

– Меншикова сослали? – едва ворочая языком, переспросил узник.

– Ещё как! – почти весело откликнулся охранник. – Всю казну отняли, все его миллионы! В простых телегах повезли в Сибирь. По этапу...

Толстой пошевелился, плотнее завернулся в одеяло и с усилием произнёс:

– Сколько верёвочка не вейся... – он качнул лысою головой, и его седая борода растрепалась ещё больше. Страж понял это по-своему. Он кое-что слышал и знал о вражде двух знаменитых вельмож. Для него вовсе не было секретом, что усилиями Светлейшего князя бедного графа Толстого надёжно «законопатили» в эти забытые Богом края. Но коль скоро и самого Меншикова указом малолетнего императора отправили в Сибирь, то весьма вероятно, что участь графа скоро переменится...

– Недаром ведь бают, – негромко и весьма осторожно произнёс поручик, – не рой яму ближнему...

Но бедный невольник ещё не пришёл в себя от горестной вести о кончине дорогого сына и потому сочувственные слова охранника никак не повлияли на него. Он со вздохом опустился на свою арестантскую постель, укрылся одеялом и смежил веки.

Нежданная перемена в судьбе заклятого врага отнюдь не обрадовала Петра Андреевича. Он с горечью и отчаянием почувствовал, что остался один-одинёшенек. До сегодняшней минуты мысль о том, что за толстой каменной стеной, в такой же камере терпит горькую муку сын Иван, безусловно, не согревала его. Но всё-таки теплилась слабая, зыбкая надежда, что с его собственной кончиной Ивана, возможно, отпустят на волю. Ведь на нём не было ни малейшей вины. Младшего Толстого сослали сюда только в связи с делом отца. Таков был извечный, установившийся порядок.

Поручик Перфильев деликатно кашлянул. Ему подумалось, что знатный арестант решил уснуть, но Толстой открыл глаза:

– Ивана, хоша бы, отпели?..

– Точно так, Ваша светлость, – незамедлительно ответил страж, – два дня как погребли...

– Как он умер?..

Перфильев взглянул в лицо графа. Из-под его

кустистых бровей чуть заметно блестели маленькие вопрошающие зрачки.

– От болезни цинготной... – будто извиняясь, ответил страж, – а перед кончиной припала к нему горячка. Бредил сильно, кричал...

– Меня звал? – в голосе отца мелькнула малая нотка надежды.

– Никак нет... – поручик вздохнул, – кричал, что надобно зайцев ловить...

– Каких таких зайцев?

– Не могу знать, – Перфильев развёл руками, – и ещё требовал бочку мёда да бочку пива.

Толстой промолчал. Странные просьбы сына немного озадачили его. Хотя почему странные? Ведь бедный страдалец впал в беспамятство и что творилось в его помутившейся голове и сердце – Бог весть...

За дверью послышались шаги. Перфильев насторожился, но через минуту обмяк, поняв, что это явились члены его команды. В камеру протиснулись два солдата, держа в руках медные котелки.

– Обед принесли? – начальственным тоном спросил поручик.

– Точно так, господин поручик, – ответил один из солдат, – пищу братскую...

Узник поднял голову от подушки и попросил слабым голосом:

– На стол её поставьте... – он перевёл взгляд на Перфильева, – а теперь, Лука, ступайте себе с Богом... Не до того мне нынче...

И как это ни странно, но грубые, бесчувственные вояки каким-то непостижимым образом всё-таки уловили, что творится в душе у старого невольника, и, стараясь не греметь сапогами, по одному вышли за порог.

Через мгновение дверь со скрипом затворилась, тяжело грохнул засов, и наступила тишина. Только лёгкий треск сальной свечи изредка тревожил нерушимый, замогильный покой бывшей монастырской кельи. На Петра Андреевича нахлынули воспоминания...

17

Два года спустя после встречи с молодым царём в Великом Устюге Толстой принял участие в Азовском походе. Это была вторая попытка Петра добиться выхода в Чёрное море, где почти безраздельно правили турки. Первая закончилась неудачей...

Многочисленное и разношерстное русское войско, руководимое не слишком даровитыми генералами – своими и немецкими, не сумело тогда взять турецкие крепости ни яростным

штурмом, ни долгой осадой. А с наступлением осени в русском лагере начался повальный падеж лошадей и мучительные, смертельные болезни солдат. Осаду крепости Азов – главной неприятельской твердыни – пришлось снять.

Зато в следующем 1696 году, начиная с января, в городе Воронеже развернулось строительство морских судов для очередного военного похода. Российского самодержца отличала одна счастливая черта: любые беды и неудачи, сколь тяжкими и губительными они бы ни были, вселяли в него неукротимую энергию и неиссякаемую веру в грядущую победу.

И вопреки всем препонам – лютым морозам, нехватке рабочих рук (многие мастера попросту сбежали), недостатку доброго угля в кузницах, отсутствию опытных десятников, должных следить за корабельными плотниками, – к началу мая по реке Воронеж к Дону поплыли два военных корабля, более двух десятков галер и четырёх зажигательных судна – брандеры...

Злосчастную турецкую цитадель умело блокировали со всех сторон. Вражеские корабли, пытавшиеся прийти на выручку осаждённому, были обстреляны и поспешили убраться восвояси. Два из них сели на мель и сгорели дотла. Русские им в этом помогли.

Толстой в морских сражениях не участвовал, он воевал на твёрдой земле. И воевал, по всей видимости, вполне удачно, хотя получил всего лишь чин прапорщика, и в тогдашних летописях его роль нигде не отмечена. Но на известной гравюре «Взятие Азова» Пётр Андреевич изображён в самом ближайшем окружении государя, вместе с главными военачальниками: А.С.Шеиным, П.И.Гордоном, Ф.Я.Лефортом, А.М. Головиным. Причём в непосредственной близости с царём...

Алексашка Меншиков, будучи верным денщиком Петра, этой чести не удостоился. Впрочем, мало кто в ту пору воспринимал его всерьёз. И Толстой тоже не обращал особого внимания на бойкого, расторопного и хлопотливого слугу. Все эти похвальные качества были в то время отнюдь не в диковину. А вот их отсутствие, скорее всего, несказанно удивило бы хозяев тогдашней жизни...

Многолетний рабский уклад российского бытия породил особую породу людей, для которых лень, угодничество, пресмыкательство, холопство и лизоблюдство стали неотъемлемой основой существования. Александр же был своего рода гением среди лакеев.

И Толстой, подобно многим, тоже не чурался прислуживать и угождать властителям, но только в

меньшей степени, помня о своём дворянском происхождении. Ему тогда уже перевалило за пятьдесят, и по привычным житейским меркам он слыл весьма пожилым человеком, почти стариком. У него было несколько внуков...

Но завидная живость ума, бойкость характера, стойкое жизнелюбие толкало бывшего смутьяна в самую гущу событий. Другой на его месте сидел бы да сидел в далёком, забытом Богом и царём захолустье, «Великим Устюгом» именуемым, на «хлебной» должности воеводы, собирал бы мзду «мягкой рухлядью» (то бишь пушниной), дичью и рыбой, сколачивал бы потихоньку крепкое состояние и горя бы не знал! Но не таков Пётр Андреевич! Каким-то неведомым чутьём он уловил, что «по манию» молодого самодержца Россия-матушка из дремотного, ленивого, закоснелого царства стремительно превращается в бодрое, деятельное, сильное государство, способное показать себя и потеснить других. И Толстой отправился на военную службу...

Второй Азовский поход Петра увенчался успехом. Русские полки стрелецкого, а больше «иноземного» строя сумели разбить наголову турок. Донские, яицкие и запорожские казаки тоже участвовали в битвах. Семь приступов, один другого жесточе и кровопролитней, разыгрались в устье Дона, потрясая укреплённый город Азов...

Первый бой случился 5 июня. В степи, раскинувшейся на сотни вёрст вокруг, уже отцвели маки и тюльпаны, пожелтела и поникла трава, а луговины и холмы стали похожи на унылую, бескрайнюю пустыню, в которой способен затеряться не один народ. С первыми лучами солнца густой, недвижимый воздух начинал расплываться до неимоверного зноя. Любая вещь, будь то седло лошади, оглобля телеги, клинок сабли, раскалялась до того, что обжигала огнём каждого, кто прикасался к ней...

После полудня обе воюющие стороны, изнурённые удушающей жарой, истомлённые непрерывной жаждой, истекая потом и кровью, были почти не в силах теснить и убивать друг друга. А исход битвы казался ещё далёк и непредсказуем. Турки стояли насмерть, ожидая подмоги с моря и прихода татарской конницы из кубанских степей и Северного Кавказа. Но русские разбили неприятельский караван из семи галер, а конница в помощь осаждённым пока не спешила...

В Москву пришло известие: «Милостью Всемогущего Бога и его государским счастьем Азов осадили накрепко и в шанцах (т.е. в траншеях) засели, и неприятельским людям ни в город, ни из города пройти невозможно». Это был второй приступ на крепость...

Командующий Шеин приказал солдатам и стрельцам в схватку не ввязываться, а сторожко укрываться в окопах и траншеях, чтобы турки из крепости не ударили в спину осаждающим. Татарская конница была отогнана с большими потерями, казаки пострадали в меньшем числе...

Но пять дней спустя, в день апостолов Петра и Павла, отдохнувшая и собравшая силы татарская конница вновь отчаянно устремилась на русские порядки. Теперь в битву вступили наши пехотинцы и стойко отразили все яростные, жаркие, беспорядочные атаки. Татары бесславно отступили. Однако передышка оказалась недолгой...

Через пару дней, спешно зализав раны, адыги, черкесы и ногайцы в день великомучеников Космы и Дамиана сплошной лавиной ринулись на русские полки. Это был шестой, самый ожесточённый и кровавый бой... Турки, сиднями сидевшие в крепости, не боясь пушечной пальбы и ружейных выстрелов, гуртом высыпали на вал и гортанными криками: «Аллах акбар!» и приветственными воплями подбадривали отчаянных джигитов, летящих в яростную атаку на русские окопы и редуты.

Командующий Шеин, все генералы, полковники и молодой государь бросили навстречу степным удалцам все свои лучшие силы. Сержант Преображенского полка Александр Меншиков тоже участвовал в отражении неприятеля, забыв о своих денщицких обязанностях. Стрелял, умело рубил саблей, колол пикой... Короче, бесстрашно отбивался всем, что попадало под руку. Положил многих, а сам остался цел и невредим.

Прапорщик Толстой держался, по возможности, в задних рядах. Не стариковское это занятие показывать свою лихость и отвагу, без удержу лезть на рожон. Поле перед русскими окопами и траншеями было усеяно трупами лошадей и всадников. Татары откатились назад, тщетно пытаясь отбить тело своего убитого хана.

Из окопов ударил целый шквал ружейных выстрелов и, как указано в летописях: «Четверть часа из ружей непрестанно по ним стреляли над телом их убитого мурзы, и с Божьей помощью их прогнали от тела и голову отрезали». Видимо, это был очень значимый трофей.

Горожане, зорко следившие за судьбоносной битвой из осаждённой крепости, были потрясены и подавлены. Но и русские спустя несколько часов после ожесточённой битвы, собравшись в палатке командующего, тоже не блистали весельем и радостью. Шеин, Гордон, Долгорукий, Головин, Лефорт и молодой государь были серьёзны и сосредоточены.

— Ещё один такой налёт, и нам станет тужо... —

в общей тишине прозвучал негромкий голос Головина.

– Погоди, Автамон Михалыч, тоску-то нагонять, – осадил его командующий, – ведь татары разбили вчистую...

– А турки? – не сдавался Головин. – Они главной вылазки по сию пору не сделали...

Это было правдой. Осаждённый противник ещё ни разу не выходил за стены цитадели, а только упорно отстреливался из всех орудий.

– Проклятый голландец им здорово помогает! – сердито заметил Пётр.

Военачальники понимающе переглянулись. В прошлом году во время неудачного похода на Азов к туркам перебежал голландский капитан Яков Янсен, тогдашний начальник русской артиллерии, а перед побегом наглухо забил стволы пушек. Для наших генералов это была большая потеря и конфуз...

Любимый друг царя Франц Лефорт невесело прибавил:

– Нельзя нам тут толго проклажаться, – он хмуро кивнул в сторону заходящего солнца, – трупы гнить станут... Болезни пойдут и мор...

Генералы удручённо вздохнули, вспомнив, какое количество мёртвых, непогребённых тел осталось на поле брани.

– Наступать надо немедленно! – твёрдо заключил Головин.

– Когда? – переспросил Долгорукий.

Своё веское слово должен был произнести Шейн, но все почему-то смотрели на Петра.

– Сегодня же в ночь! – прозвучал непрерываемый приказ из уст двадцатичетырёхлетнего государя. Возражать никто не посмел.

А с рассветом осаждённые в горестном унынии увидели, что вся армия противника готова идти на решительный, ураганный штурм. И вместо того чтобы отчаянно обороняться, османы, вереницами стоя на стенах, наперебой махали красными фесками и склоняли долу свои зелёные знамёна. Это был знак того, что они дружно сдаются на милость победителей. А из железных ворот цитадели вышли два знатных посла для переговоров о мире.

Послов приняли. Государь и командующий Шейн встретили их в своей походной палатке. Именитые, важные османы передали русским пожелание правителя Азова – бейя Хасеки Чулака – казну и город у него принять, а жителей с жёнами и детьми выпустить за крепостные стены, посадить на корабли и отправить в Стамбул.

А.С.Шейн, с ведома царя, эти условия принял и потребовал выдать беглого голландского капитана Янсена. «Немчина Якушку» – как сказано в лето-

писях. Голландца отдали в руки русским, и кроме всего прочего, наша армия получила более девяти тысяч пушек, множество ружей, хорошие запасы пороха, свинца и олова. Также многие пуды пшеницы и хлеба, копчёного мяса, вяленой рыбы и паюсной икры! А это значило, что осаждённые могли продержаться в окружении ещё не один месяц!..

18

Мужики, как божились и обещали, возвели-таки часовню под крышу. А саму кровлю надлежало покрыть щепой, оставшейся от старательно затёсанных брёвен, уложенных в добротные, безупречные венцы. Почти готовое строение выглядело внушительно и нарядно. Обнажённые, отрешённые от коры тулова листовенницы своей чистотой, целомудренной белизной и ласкающей глаз округлостью вызывали трепет и восторг. Казалось бы – ну что такого удивительного в этих гладких, уложенных плотной стопой друг на друга, одинаковых отрезках деревьев, насильно скреплённых воедино? Но именно их ровность, строгая одинаковость, безукоризненная чистота и гладкость заставляли восторженно биться сердце.

– Ай да молодцы! – удовлетворённо воскликнул Светлейший, обходя кругом свою воплощённую мечту. – Правду говорят – не красна изба углами – красна пирогами.

Князь имел в виду все девятнадцать венцов, складно уложенных в единую, мастерски сбитую стопу.

– А углы-то, Ваше сиятельство, тожеть ничего! – позволил себе заметить чернявый мужик Федот, старшина плотников.

Это было правдой: углы часовни, срубленные «в обло», а значит, выходящие за границы самих стен, радовали глаз своей ровностью и тесной связью. Хотелось верить, что рукотворная крепость и стойкость всего сооружения способна пережить века. Светлейший почему-то вспомнил, что знаменитый домик государя тоже был срублен из брёвен и покрыт простою щепой. И долгие годы Пётр охотно проживал в нём вместе с Екатериной и дочерьми...

– Ну, добре, мужики, – легонько похлопав старшего по плечу, хозяин распорядился, – стелите крышу – и ведро водки ставлю! – Он поднял глаза к небу, хитровато подмигнув. – Для сугреву!

Плотники благодарно загомонили, низко кланяясь князю. Светлейший ещё раз окинул зорким взглядом ладное, благолепное строение, плотнее надвинул шапку, быстро повернулся и зашагал

прочь с погоста. Мужики тут же принялись за дело. Ими двигало отнюдь не желание заполучить желанную награду или наконец-таки закончить нелёгкую работу – страх вызвать гнев и жестокую кару Светлейшего руководил ими. Князь был крут на расправу – они это знали точно.

Правда, он не зверствовал и не лютовал ежедневно и каждодневно, но если тому случался крайний повод и находилась прямая и очевидная вина ослушника – удержу Светлейший не знал. Страх для русского человека – залог беспрекословного выполнения дела. К несчастью или к счастью, Алексашка это понял давным-давно. А поняв, воспользовался всем на пользу себе.

Пока был жив государь – непоколебимая стойкость Данилыча, его умение исполнить точно и в срок любое, самое непостижимое повеление монарха давало бывшему холопу такие внушительные, весомые преимущества и привилегии, перед которыми меркло всё.

А возвратившись в острог, он усадил за стол старшую дочь.

– Пиши, – князь задумчиво потёр свой упрямый, заросший щетиной подбородок. – В начале марта из Москвы в Европу выехало Великое посольство...

Мария старательно склонилась над чистым листом бумаги. В узкое, засиженное мухами окошко струился жиденький северный свет. Младшие дети – Александр и Александра – смиренно сидели на отцовской кровати, всем своим видом показывая учтивую покорность воле родителя. Им и в самом деле было не слишком обременительно это пассивное участие в его затее.

– Написала? – следя за бледною рукой дочери, настойчиво осведомился Светлейший. Мария полголоса повторила: «Великое посольство...»

Отец удовлетворённо кивнул и прибавил:

– Государь в сём посольстве имел чин десятника, равно как и прочие дворяне, среди коих находился и Александр Меншиков... – нарочито медленно и назидательно произносил князь, внимательно следя за тем, чтобы старшая дочь успевала записывать диктуемое.

– А зачем вы туда поехали? – не выдержала младшая дочь.

Отец сделал предостерегающий жест рукой, выждав, пока Мария не поставила точку. Он понимал, что дети не могут слишком долго сидеть в полном бездействии.

– В Европу-то? – Светлейший чуть затруднился с ответом.

То, что казалось ему очевидным, не требующим никакого объяснения, едва ли представлялось та-

ковым его чадам. Они выросли в другое время и всё воспринимали по-иному.

– Променад им всем был, наверно, надобен, – высказал сын почти утвердительно, и сёстры были с ним согласны.

– Э-э, нет! – возразил отец. – Променадов тогда и в помине не было...

– А что было? – Мария отставила перо.

Князь снисходительно усмехнулся:

– Дичь и глухомань была. За родимые пределы даже самому государю выезжать не позволялось.

– Даже государю?! – несказанно удивилась младшая дочь. – Кто ж ему не позволял? Неужто его маменька?

Отец замешкался с ответом:

– Мать его Наталья Кирилловна уже почил в Бозе... – он поискал слова. – А до Петра Алексеича ни один царь из России выехать не смел...

В лицах сына и дочерей застыло недоумение.

– Обычаи того не одобряли... – Светлейший вздохнул. – Патриарх и митрополиты думали, что царь всякой непотребной ереси в чужих краях наберётся. А народ простой опасался, что его там убьют либо подменят и тогда в стране случится нестроение и смута...

Дети подавленно молчали. Смуту и нестроение они, конечно, понимали по-своему. Произошедшее с ними несчастье, неожиданная ссылка, смерть любимой матери и насильственное тягостное проживание, скорее – прозябание в этом глухом, скверном городишке представлялись им следствием как раз того самого беспорядка и расстройств всего, которое и зовётся «смутой».

– Но царь всё-таки поехал? – переспросила Мария.

Отец скупно улыбнулся: – Поехал. Хотя перед отъездом ему открылся заговор. Зловредный. Подлый...

Юные Меншиковы тревожно переглянулись. Несмотря на свои короткие, но переполненные нелёгкими событиями жизни, они успели понять, что заговоры, особенно дворцовые, – главные пружины всего происходящего. А их нынешнее положение – прямое свидетельство тому.

Сын исподлобья взглянул на отца:

– Это были придворные?.. Ну, заговорщики эти самые...

– Не только, – Светлейший сделал паузу. – Окольничий Соковнин, стольник Пушкин да стрелецкий полковник Цыклер. И с ними ещё шестеро негодяев... – князь нахмурился и негромко признался: – И меня, грешного, они в свои сети тоже ладили завлечь.

– Вас, папенька?! – ужаснулась Мария.

Отец молча кивнул, терпеливо пережидая общий испуг и волнение своих чад. Они, скорее всего, подумали, что заговорщикам удалось-таки привлечь родителя на свою сторону. Князь понял это и победоносно заключил:

– Но я на предательство не пошёл – выдал их подлые планы государю, и мерзавцев казнили! А мы в Европу отбыли! Всем на удивление.

Невольно увлечшись рассказом, князь на мгновение забыл о своих важных мемуарных трудах. События тех давних – трагических и судьбоносных – лет безраздельно захватили его. Он вновь будто бы стал не только участником, но и вершителем чужих судеб и жизней.

Правда, тут не обошлось без преувеличения, даже прямой лжи – весть о злодейском умысле на жизнь царя сообщил Петру вовсе не его верный денщик. Ведь заговорщики ненавидели и опасались бойкого Алексашки. Уж кому-кому, а ему бы они не доверились, наверняка зная, что от гибели государя прямой выгоды усердному холопу не было. Зато он ретиво поддержал своего господина в жестоком отмщении за коварный план. Главных крамольников колесовали, обезглавили и повесили...

Тусклое северное солнце, как могло, поднялось над горизонтом, и его скудные, неяркие лучи робко засматривали в узкие окна острога. Князь внимательно окинул бледные лица детей и с грустью подумал о том, какая судьба их ждёт. Но обострённое внутреннее чувство подсказало ему, что не стоит сейчас жалеть и потакать им. Это только усугубит и без того их отчаянное положение.

Светлейший хитровато улыбнулся своим узкогубым ртом: «А в Европе мы такое увидели! И смеху, и радости было вдосталь!»

Сын и дочери насторожились. А родитель понял, что рассказывать им всю переменчивую, трудную и запутанную историю полуторагодичного странствия Великого посольства по зарубежным государствам не имеет смысла. Многого они попросту не поймут, а объяснить и толковать – не хватит времени и сил. Лучше поведать о чём-то весёлом и забавном...

– Проехали мы Берлин, Бранденбург и далее... – князь с удовольствием произносил названия иноземных городов – память у него была обширна и со временем не ослабла. – А под Ганновером нас с Петром Алексеичем пожелала увидеть курфюрстина София с дочерью...

– Курфюрстина – это кто? – любопытствовал Александр.

– Наподобие принцессы... – не замедлил с отве-

том отец. – Они намеренно навстречу нам выехали. И приняли нас в старинном замке...

Юные Меншиковы тут же представили в воображении высоченный мрачноватый дворец с подвесными мостами и грозными башнями.

– Мы с государем вошли, раскланялись и сели за стол...

Весь рассказ Светлейшего разительно отличался от того, что было на самом деле. Он ни словом не обмолвился о том, что Пётр вначале никак не хотел знакомиться с двумя сиятельными дамами. А виной тут была его невероятная застенчивость. И случалась она потому, что молодой царь точно знал – на него, как на грозного владыку «дикой Московии», съезжались и сбегались поглазеть и власть имущие, и простолюдины, чтобы потом, насмехаясь, передавать всем и всюду, насколько груб, свиреп и невежествен русский самодержец. И князь об этом помнил...

Испытав на протяжении всей своей лихой жизни пренебрежительное, высокомерное отношение не только иностранцев, но и отечественных вельмож к своей особе, Светлейший обострённым чутьём улавливал это. И потому ни единым словом не обмолвился о первом впечатлении, которое они с Петром произвели на немецких принцесс. А мать и дочь были несказанно потрясены.

Громадный рост царя, его неряшливая одежда, стоптанные башмаки, мозолистые руки с нечистыми ногтями, грубые, неуклюжие манеры – всё увиденное красноречивей любых слов говорило о том, что перед ними – живое воплощение повелителя варваров. Точь-в-точь свирепый властитель гуннов – Аттила. Но, к счастью, обе женщины оказались неглупы и довольно наблюдательны, сумев за внешним чудовищным обликом молодого государя разглядеть думающего, благородного и достойного человека.

На его спутника они обратили меньше внимания, и это понятно. В их представлении он виделся просто ближайшим слугой. Хотя одет, обут, умыт и надушен Алексашка был совсем как завзятый европеец. И манерами никак не походил на грубого дикаря. Однако две сиятельные немки посчитали его привлекательную фигуру недостойной какого-либо интереса. Подобно большинству людей, их занимала персона одного лишь монарха. Но князь, посвящая детей в туманную историю своего возвышения, постоянно говорил «мы».

– Отобедав и усладив курфюрстин приятной беседой, мы с Петром Алексеичем пожелали устроить танцы...

– А что тогда танцевали? – оживилась Мария. Отец лукаво улыбнулся:

114 Владимир Василенко

– Менуэт, слава Богу... – и, видя, что дети не поняли ответа, пояснил, – мы с государем, на счастье, этому научились у Франца Яковлевича. Вот был мастак фигуры ловкие выделывать! Равного ему донине не сыщешь.

– Какой Франц Яковлевич? – вставила младшая дочь.

– Лефорт, конечно... – лицо князя осветилось весёлым, радостным огоньком, даже взгляд небольших зорких глаз смягчился и подобрел. – А курфюрстины эти никак не ожидали, что мы с Петром Алексеичем такие куншты выделывать горазды! Они такого отродясь не видали!.. – Он прыснул коротким, довольным смехом.

Чада ответили ему изумлёнными, недоверчивыми улыбками. Им было трудно представить, что их строгий, деспотичный родитель вместе с покойным государем, в последние годы слывшим крайне сердитым и раздражительным, склонны вытворять что-то забавное и несообразное.

– И что вы делали? – не удержалась Александра.

– И-и-и, милая! – задорно подхватил отец. – Такие кренделя выписывали, что у бедных немков дух захватило! – Он живо ударился в воспоминания. – Пётр-то Алексеич свою Софию-Шарлотту на воздух лихо подымал, а та только громко вскрикивала: – О, мейн Готт! О, мейн Готт!..

Дети уже весело смеялись.

– София-Шарлотта – это кто? – уточнил сын.

– Дочка старой курфюрстины...

– А вы, папенька, с кем танцевали? – явно непонимая спросила старшая дочь.

Но князь сразу нашёлся:

– С самой хозяйкой... В менуэте, как ты помнишь, дамы выбирают кавалеров... И старая курфюрстина выбрала меня! – Светлейший горделиво выпрямился.

Юным Меншиковым эта история явно понравилась. Она вернула их к прошлому, к весёлой и беззаботной жизни в далёком Санкт-Петербурге. Князь, как всегда, умел развлечь и удовлетворить каждого, особенно важных и нужных людей. В молодые годы это случалось словно само собой, от избытка бьющих через край кипучих, неизбывных сил...

– Бедные немки тогда чуть парики свои не потеряли... И рёбра у них едва не треснули! – князь хитро подмигнул.

– Какие рёбра? – не поняла младшая дочь.

Отец кое-как объяснил:

– Ну, эти... На которых держатся...

– Корсеты? – подхватила Мария.

– Вот-вот. Они самые... – князь вновь расхохотался.

Ни он, ни дети, конечно же, не подозревали, что вся курьёзная эпопея этих весёлых танцев навечно останется в анналах мировой истории. Описание неожиданной встречи между юным российским самодержцем и немецкими герцогинями, одна из которых стала матерью будущего английского короля, не прошла мимо дотошных европейских умов.

Почти все знаменитые историки – наши и зарубежные – наперебой стремились цитировать строки пожилой ганноверской курфюрстины, назвавшей великого русского преобразователя «человеком очень хорошим и вместе очень дурным. В нравственном отношении он – полный представитель своей страны».

И самое удивительное, что обе сиятельные дамы никогда не были в России и не знали нелёгкой биографии Петра. Но никто не думал их в этом упрекать. Снисходительное, даже пренебрежительное отношение к нашей стране в то время считалось вполне естественным. (Впрочем, как и сейчас.) Единственное, что их обеих извиняет – понятное безразличие к людям, окружавшим царя. И к нашему славному герою, разумеется...

19

Пережив смерть старшего сына, Пётр Андреевич Толстой уже не тревожился ни о чём. А впрочем, на восемьдесят четвёртом году жизни глупо и предосудительно думать и надеяться на что-то лучшее, ждущее тебя впереди. Единственное, что может отчасти вознаградить старика – каждый лишний день существования на этой грешной земле...

Когда-то, почти семнадцать лет назад, Толстой сидел в темнице семибашенного замка «Едикюль» в Стамбуле. Шестидесятипятилетний узник, зная, сколь свирепы и беспощадны турецкие властители к своим иноверцам и врагам, уже мысленно простился со своими близкими и далёкой родиной. В его бедственном положении ничего другого и не оставалось.

Он не роптал, не сокрушался, не корил судьбу и своего государя за то, что ему выпал такой позорный и ужасающий конец. А то, что его бурная, переменчивая, полная необычайных событий жизнь подошла к самому краю – в этом, увы, не было ни малейших сомнений...

Оказаться на самом дне глухой земляной ямы – значило очутиться в настоящей могиле. Турки всегда умели убедить своих давних недругов в подлинности происходящего. Если узника ждала неминуемая гибель – ничто иное ему и не светило.

Однако Пётр Андреевич нашёл тогда единственно верный исход случившемуся – смиренно принял грядущую кончину. Он даже ни разу – ни мысленно, ни изустно – не упрекнул царя Петра, хотя именно его волей он появился в столице Османской империи.

Толстой прекрасно сознавал, что «заслужить свою давнюю вину», как говаривали тогда, он может только долгой, усердной и беспорочной службой. А ежели придётся на этой службе протянуть обе ноги – на то Божья воля!

Он сам, в конце концов, виноват, что не сумел вовремя сообразить, на чьей стороне будет ощутимый перевес. Вот Алексашка Меншиков – тот с молодых ногтей, не щадя живота, угождал перед юным Петром. Как сторожевой пёс спал у царёва порога, чистил ему кафтан и порты, мыл и мазал дёгтем сапоги, частенько укрощал нервные припадки, мучившие Петра. Стоило ли удивляться, что бывший холоп стал вторым человеком в государстве?!..

Довольно зная отечественную историю, Толстой вспоминал родителя Петра – царя Алексея. А кто был его правой рукой? Ближний боярин Борис Морозов. Женившись на родных сёстрах Милославских, они правили страной вкупе и влюбё, совсем как кровные братья. Правда, это родство однажды сыграло с Тишайшим злую шутку.

Понадеявшись на острый ум и прозорливость Морозова, царь Алексей сделал несколько опрометчивых, губительных шагов: по совету свояка, в одночасье многократно увеличил налог на соль – казна-де была пустой. Потом серебряные деньги заменил на медные. По стране прошли волнения и бунты...

Кстати, все годы правления Тишайшего прослыли отнюдь не тихими. А тут ещё знаменитый раскол. По сути, это была настоящая гражданская война. Пётр Андреевич захватил самый край правления незадачливого монарха, когда смута понемногу улеглась. А ярые противники крутых реформ – протопоп Аввакум и боярыня Морозова – были казнены. Их судьба его ничуть не волновала...

Служилое дворянство, из которого происходил Толстой, прежде всего ревниво заботилось о собственном благополучии, а источником и щедрым дарителем этого благополучия мог быть только самодержец. К его стопам и следовало припадать. Поэтому у Петра Андреевича не возникало ни малейших сомнений в том, как нужно действовать и что предпринимать.

Он только не брал в расчёт расклада всех противоборствующих сил там, наверху. Покойный

Алексей Михайлович в дни своей молодости крепко зависел от мнений своего ближайшего воспитателя – «дядьки» Бориса Морозова, потом от притязаний тестя Ильи Милославского и его корыстной, алчной родни. А женившись вторично на красавице Наталье Нарышкиной, Тишайший приобрёл ещё одну головную боль – родичей новой жены. Вполне вероятно, что это и свело его в раннюю могилу...

«Будь у него хотя бы толика той суровости и гнева, каковая была у Ивана Васильевича Грозного, – временами думал Толстой, – он бы не стал потакать своим ближним». Скорее всего, так оно и было. Несмотря на показную твёрдость и неуступчивость, Алексей Михайлович нередко проявлял недопустимую мягкость. Может, именно поэтому и заслужил прозвище Тишайшего...

Зато в быту, в отношениях с родными и близкими государь прослыл милейшим и добродушнейшим человеком. Страстно любил церковные службы и праздники, псовую и соколиную охоту. Число сокольников, подсокольничьих, псарей и доезжачих доходило при нём до трёх тысяч. А количество ловчих птиц не поддавалось исчислению...

Гнездари, слётки, розмыты и дикомыты содержались в особых клетях, в огромной слободе, именуемой «Сокольничьей». Там жили целые семьи царских прислужников, должных заниматься важной государевой «потехой». Когда Тишайший изволил по весне выезжать на соколиную охоту – это было одним из главнейших и потрясающих событий. С ним не могло сравниться ни Рождество, ни даже Масленица.

Сотни сокольников и кречетников на великолепных кровных скакунах, в дорогих бархатных и парчовых одеждах, в собольих и рысьих шапках, с ловчими птицами – соколами, ястребами и кречетами, замершими, как бронзовые изваяния, на их кожаных рукавицах, всю Первопрестольную изумляли. Необычное зрелище стоило того потрясающего воображение восторга, которым одаривало его всё население столицы...

Судя по всему, Алексей Михайлович больше царствовал, нежели управлял. И в этом, по мнению многих, не было ничего зазорного и предосудительного. Несмотря на всяческие неурядицы и беды – бунты, раскол, бесславную войну с поляками, грозное восстание Степана Разина – в русском государстве ещё не иссякли запасы природных сил и людского долготерпения. И потому Тишайший мог себе позволить сколь угодно тешиться дорогими и праздными забавами...

Немощный сын его – Фёдор, вступивший на престол после кончины дражайшего родителя,

уже не смел отваживаться на шумные и зряшные потехи. Шесть лет его тихого, ровного, малоприметного царствования прошли в относительном мире и покое. Ни о каких псовых и соколиных забавах не могло быть и речи.

Ближайшие к государю люди – его родичи Милославские не теряли времени даром, изо всех возможных сил оттесняя на задворки столицы Нарышкиных. Мать Петра была вынуждена поселиться с малолетним сыном и дочкой Натальей (вторая дочь – Феодора – не прожила и года) в селе Преображенском, заняв «потешный» дворец покойного супруга. Казалось, их дальнейшая участь уже предreshена. А будь царь Фёдор покрепче здоровьем и родись у него законный наследник – судьба всей России могла бы сложиться по-иному...

Но в конце апреля 1682 года милосердный, хворый властитель «почил в Бозе». Согласно всем слухам и легендам, перед кончиной он пожелал видеть на державном престоле единокровного брата Петра, своего «крестника». Трудно сказать, как случилось всё на самом деле. Ведь оставался ещё последний отпрыск семейства Милославских – царевич Иван. Правда, глухой, подслеповатый и припадочный. Иметь такового российским самодержцем, конечно же, казалось всем уделом весьма постыдным...

И, как это невзначай случается на Руси, решено было поступить по совести. Патриарх, бояре, стольники, дьяки, дворяне, купцы и чёрный люд избрали царём Петра. Девятилетнего мальчишку, ждаты от которого пришлось бы всего, чего угодно...

Голосование не было поимённым (и в нынешней Думе это случается крайне редко), а значит, мы никогда не узнаем, как вёл себя тот же Толстой, будучи стольником. Но дальнейшие его действия известны довольно широко...

20

К сожалению или к счастью, нам всегда недостаёт времени, чтобы старательно покопаться даже в собственном прошлом, а затем строить грандиозные планы на будущее. Почему это так случается, что думать приходится только о дне грядущем и совершать опрометчивые, чреватые бесчестьем поступки – Бог весть.

Если не углубляться в разные противоречивые детали, то карьеры наших героев, в общем и целом, складывались довольно успешно. До своего безысходного, печального конца оба они достигли предельно высоких ступеней тог-

дашней государственной лестницы.

Ну, посудите сами: и граф Толстой, и Светлейший князь Меншиков однажды всерьёз решали, кого из возможных кандидатов надлежит посадить на царский трон? А это значит, что в их цепких, проворных руках оказалась судьба не только будущей монаршей династии, но и всего Государства Российского!

Только было бы слишком смело предполагать, что оба шли к этому неуклонно и целенаправленно. (Хотя найдутся прыткие, хитроумные головы, склонные думать именно так.) Но надо признать, что в немалой степени им помогли разного рода случайности, которыми они умели с лихвой и толком воспользоваться.

Едва освободившись из турецкой неволи, Пётр Андреевич Толстой приступил к службе в Посольском приказе. Это в свои-то шестьдесят семь лет! Два последующих года в его судьбе не случилось никаких крутых перемен. Он читал и приобщал к «делам» донесения и отчёты наших резидентов в европейских и азиатских странах, поправлял пошатнувшееся здоровье. Пребывание в кошмарном турецком заточении не сломало его до конца. А в январе 1716 года царь Пётр отправился с женой за границу, чтобы встретиться с давними союзниками и наконец-таки завершить многотрудную войну с Карлом XII.

Самым верным союзником России была Дания. Предшественники тогдашнего короля слыли самыми богатыми властителями в Европе. Причём свои богатства они нажили весьма оригинальным способом: держа в руках самый узкий проход (пролив Эресунн) из Балтийского моря в Атлантический океан. Установив на высоком берегу грозные орудия, датские владыки брали с каждого проходящего судна весомую плату, только и всего. Но шведские монархи, создав сильный флот, лишили датчан этого преимущества. И тем самым нажили себе лютых недругов...

Лучшего союзника Петру было не найти. Договорившись с датским королём о совместных военных действиях, царь отбыл в Париж, куда были вызваны все виднейшие русские дипломаты: Куракин, Шафиров, Толстой, Рагузинский. Из всех европейских стран одна лишь Франция усердно помогала шведскому королю деньгами. Усилиями государя и его испытанного «дипкорпуса» Францию удалось нейтрализовать. А осенью того же года было решено начать боевые действия прямо на территории Швеции.

Царь отправил в Петербург вызов своему сыну Алексею, чтобы тот немедленно прибыл для участия в будущих десантных операциях. Но проходит ме-

сяц, другой, а наследника всё нет и нет! Отец встревожился не на шутку – вдруг царевича по дороге перехватили агенты шведского короля или, хуже того, – разбойники, и он взят в плен либо убит?! Но государя известили, что Алексей Петрович в конце сентября, прихватив с собою любовницу-чухонку (то бишь финку) Евфросинью, её брата и трёх слуг, выехал из Петербурга...

У Петра сразу возникло смутное подозрение относительно цели поездки послушника-сына. Он всюду, куда возможно, разослал своих вездесущих агентов, в числе которых был и Пётр Андреевич Толстой. Бежавшего наследника, вернее – следы его, обнаружили в Австрии. Иного царь, кстати, и не ждал, поскольку в Вене проживала герцогиня Вольфенбюттельская – бывшая тёща царевича. А её второй зять – Карл VI был императором Священной Римской Империи германской нации (однако почти половину её населения составляли славянские народы) со столицей в Вене. Туда и направился Толстой с письмом от русского самодержца...

Правда, самого Алексея в столице не оказалось: вначале его скрывали в Тирольских горах, в тайной крепости Эренсберг, где содержались государственные преступники, потом наследника спешно перевезли в Неаполь. Агенты Петра точно знали все места пребывания беглеца, и Толстой, вручая императору письмо своего властителя, не обинуясь, заявил об этом. Карл забеспокоился. Чрезмерно обострять отношения с грозным владыкой Московии, разбившим одну из самых лучших армий Европы, в его планы никак не входило...

И ещё ему стало известно, что Пётр, будучи в Париже, взял на руки шестилетнего французского короля Людовика XV и поднялся с ним на самый верх посольской лестницы! Это наделало шуму во всей Европе. Придворные живописцы сразу изобразили это потрясающее событие – русский гигант держит в объятиях крохотного французского карапуза! И все сразу увидели в этом довольно красноречивый знак. Ведь Франция долгие годы была непримиримой противницей Австрийской империи в дележе пресловутого «испанского наследства». И поступок русского самодержца наводил на тревожные мысли...

Австрийский император наверняка рад был вмешаться в тяжбу о престолонаследии, разгоревшуюся между сыном и отцом. (Алексей, появившись в Вене, представил всё так, будто грубый, жестокосердный родитель без всякой видимой причины вознамерился лишить его трона.) Какую выгоду от разыгравшейся драмы получила бы Австрийская империя – трудно ска-

зать, однако, судя по всему, корыстный расчёт имел тут место. Так уж устроена вся международная политика, что чья-то промашка либо неудача всегда найдёт ловких охотников этим тут же воспользоваться!

Но Пётр Андреевич Толстой давно научился пресекать подобные авантюры. При удобном случае – довольно жёстко и категорично. Поняв, что записаться здесь бесполезно, Карл, посоветовавшись с ближайшими министрами, лицемерно заявил, будто, «желая спасти царевича от возможного пленения неприятелем, его надёжно спрятали во владениях австрийского монарха». Благодарно улыбнувшись, Толстой настойчиво предложил:

– Я полагаю, что Вашему Величеству надлежит как можно скорее передать русского принца в надёжные, верные руки, дабы он целым и невредимым вернулся на родину!..

Ошеломлённый таким напором, император смятенно ответил:

– Насколько мне известно, царевич Алексей покинул пределы России по собственному желанию, не так ли? Разве он не имеет на это права?

Посол сурово возразил:

– Неужто Вашему Величеству неизвестна притча о блудном сыне?..

Карл пожал плечами:

– Разумеется, известна. Только к чему всё это?..

Толстой кротко взглянул на него:

– Тот нерадивый сын, Ваше Величество, как Вы помните, отправился в дальнюю страну, прогулял и спустил там все свои деньги, ибо жизнь вёл распутную...

Император нахмурился:

– Принц не похож на гуляку и мота...

– Однако же он увёз с собой не законную жену, а просто любовницу, и живёт с ней в греховной связи! – небольшие зоркие глаза Толстого сверкали недобрыми, укоризненными огоньками.

Будь император простым, обычным мужчиной, он бы, ничтоже сумняшеся, тут же ответил: «Ну так что из этого? Живёт, и пусть себе!» Но посланник русского царя обращался к нему как к главе государства, и потому австрийский монарх сокрушённо вздохнул и тихо произнёс:

– Я разделяю тревогу моего брата – русского царя... Его волнение за сына мне понятно. (Он назвал Петра «братом», как того требовали правила тогдашнего дворцового этикета.)

– А коли понимаете, – сразу подхватил Толстой, – тогда, Ваше Величество, соблаговолите вернуть заблудшего скитальца в отеческие... – он хотел сказать «руки», но сдержался и сказал, – пределы...

Руки – это было бы слишком мрачно и устрашающе. Пётр Андреевич знал, что за царём тянулась слава жестокого и кровожадного правителя. И сам он помнил беспощадную расправу над бунтовавшими стрельцами. Карл немного подумал и ответил:

– Мы, безусловно, уважаем отцовские чувства и готовы следовать просьбам русского государя... – император сделал паузу. – Но нам, тем не менее, столь же важно узнать желание принца. Готов ли он не мешкая возвратиться на родину?

Сколь ни хитра и неожиданна была уловка, однако Толстой даже не изменился в лице. Более того, он тут же согласился с великодержавным собеседником. Знал бы австрийский император, какую науку прошёл этот пожилой, страдающий многими телесными недугами человек! Уловки австрийского двора не шли ни в какое сравнение с изощрённым коварством сребролюбивой турецкой верхушки. А Петру Андреевичу частенько удавалось водить за нос османских владык.

– Довожу до сведения Вашего Величества, – смиренно ответил он, – что моему государю крайне важно знать, насколько свободно желание наследника. Не влияют ли на него некие посторонние силы?..

– Влияют на Алексея? Кто, например? – озадачился собеседник.

Толстой ответил после многозначительной паузы:

– Допустим, его любовница... Или кто-то ещё...

Император заметно напрягся:

– Надеюсь, нас он в виду не имеет? Мы тут совершенно ни при чём.

– Боже упаси, Ваше Величество! – мигом откликнулся Толстой, но в голосе его прозвучало сомнение.

И Карл пошёл на уступки. Он позволил посланнику русского монарха увидеться с наследником наедине. Пётр Андреевич незамедлительно отправился в Италию, в город Неаполь, где он уже бывал два десятка лет тому назад. Его цепкая, обширная память сохранила не только облик шумного южного города, но и певучий итальянский язык. Немолодой россиянин мог свободно на нём говорить...

21

Губернатор Санкт-Петербурга Светлейший князь Меншиков в деле о беглом царевице участвовал сугубо косвенным, сторонним образом. Наследнику исполнилось двадцать шесть лет, и он давным-давно вышел из-под прямой

опеки князя. А когда-то Меншиков считался его главным воспитателем. Как все дети вельможных родителей, Алексей с момента рождения рос под чутким присмотром ватаги мамок и нянек в селе Преображенском, где проживала его мать – царица Евдокия.

До восьми лет царевица воспитывал старый князь Вяземский, потом немец Гюйсен. На девятом году в Преображенское приехала сестра Петра Наталья Алексеевна и забрала с собой племянника. Мать его – Евдокию – отправили в Суздальский монастырь. И отныне главным наставником наследника значился двадцатипятилетний Алексашка, сам занимавший положение весьма двусмысленное: он уже не служил у царя денщиком, но ещё не стал вполне самостоятельным человеком.

Обязанности главного наставника (обер-гофмейстера) Меншиков исполнял крайне своеобразно: хлестал подростка по щекам и таскал за волосы. Тогда это считалось наиболее доходчивой мерой воздействия. А впрочем, неотступно руководить воспитанием царевицы у него попросту не было времени.

Только-только закончилась война с турками, едва улеглось буйное возмущение стрельцов, в жестокой расправе над которыми принимал самое деятельное участие воспитатель юного царевицы. По Москве гуляли мрачные слухи, и сам Алексашка горделиво хвастал тем, что собственноручно отрубил два десятка стрелецких голов! В этом он будто бы перещеголял самого царя.

И тогда же впервые угодил на скрижали отечественной истории. В записках думного дворянина Ивана Желябужского сказано: «По указу Великого государя один из них (т.е. бунтовщиков) застрелен из фузеи, и застрелил его преображенский сержант Александр Меншиков». Видимо, это был первый показательный расстрел. И вездесущий Алексашка, конечно же, не удержался от того, чтобы не блеснуть своей удалью и желанием быть первым во всём. А фузеей тогда называли ружьё.

Малолетний царевиц проживал в покоях отца, под стенами Кремля на берегу Москвы-реки. За рекой, в Замоскворечье, и теснились слободы злосчастных стрельцов. Пока Пётр рьяно колесил по Европе, стрельцы, посланные для охраны польско-литовской границы, долгое время не получали жалованья. Они вконец обносились и нестерпимо голодали. Единственный в то время источник информации – слухи – бередили души несчастных. Все кругом роптали: царь-де уехал в чужие страны, забрал с собою всю государственную казну, всё прогуляет и пропьёт, и неизвестно, вернётся ли домой.

А его немецкая команда заставит царя поменять православную веру на лютеранскую ересь, и, ежели он не согласится, Петра убьют или подменят на своего ставленника. Несчастные стрельцы, конечно, в эти рассказы свято верили. Тем паче, что сочувствующие раскольникам попы всячески старались их в этом убедить.

– Царь-то давно не наш, а выблядок немецкий! – внушали они встревоженным мужикам. – Царице-то Наталье подменили его, когда она первенца родила!

– Он не сын царя покойного, – доносилось с другой стороны, – а этого ушлого «кукуйца» Лефорта! Потому он днюет и ночует в немецкой-то слободе!

Стрельцы глухо волновались. Для их простых, немудрящих голов всё услышанное выглядело чистой, безусловной правдой. Будучи людьми «служилыми», воинское бремя они несли от случая к случаю, когда в этом сказывалась нужда. Сейчас её как будто бы не было. Извечные наши враги – поляки и крымские татары войной на Русь не шли. А царю за каким-то бесом ударило в голову послать их на польско-литовскую границу! (Пётр поддержал саксонского курфюрста Августа в его притязаниях на польский престол и опасался, что поляки этим возмутятся.)

Недовольство и подстрекательские речи возымели успех. Стрельцы взбунтовались, прогнали своих полковников и решительно двинулись домой, к Москве, дабы поднять там всеобщий мятеж. Но на подходе к Новому Иерусалиму (монастырю, основанному бывшим патриархом Никоном) смутьянов встретили генералы Шеин и Гордон с двумя тысячами пехотинцев и шестью тысячами драгун...

Впереди стрелецкого войска шли попы с иконами и хоругвями. Шеин вначале велел стрелять в воздух, поверх голов бунтовщиков. Загремели ружейные выстрелы, но ни один из стрельцов не был убит...

Попы закричали:

– С нами Бог! Он не даёт в обиду православных! Не разят нас пули еретиков! Смелей, робята! За нами – правда!

Тогда генералы приказали бить на поражение. Громыхнули пушки, завизжала картечь... В течение получаса мятежное стрелецкое войско было разбито в жалкий прах. Четыре тысячи полегли на месте, а те, кто остался жив, бросили сабли, пищали, пики и, упав на колени, молили о пощаде. Их взяли под конвой и повели в Москву...

Когда в Первопрестольную возвратился царь из своего заграничного путешествия, следствие над мятежниками уже началось. И Пётр

вместе с верным Алексашкой принял в нём самое деятельное участие. Он не только определял вину каждого бунтовщика, но и самолично сёк, пытал и рубил головы. Его ближайшее окружение усердно ему подражало, все, кроме иноземных помощников. Ни Лефорт, ни Гордон, ни Чамберс в руки топора не брали...

Ярость царя не имела границ – он точно знал, что в случае малейшего промедления либо минутной жалости враги его с ним самим поступят ничуть не милосерднее. По Москве упорно гуляли слухи, что за границей царя умертвили, а на родину возвратился его двойник. Бунтовщики под пыткой признавались, будто столицу они намеревались сжечь, истребить всех немцев и возвести на престол царицу Софью. Она будет править до совершеннолетия царевича Алексея...

Малолетний наследник не знал об этом ни сном ни духом. Но глядя в окна своего нового местопребывания и слыша горестные, жалобные вопли стрелецких жён и матерей, доносившиеся из-за реки, втихомолку плакал. Всё его детство было смутным и нерадостным.

Пётр, женившись по настоянию своей матери на девице Евдокии Лопухиной, к невесте и будущей жене не испытывал ни малейшего сердечного влечения. А на самую пышную свадьбу смотрел словно на некое обязательное, но крайне докучливое и малоприятное событие.

Евдокия мужа по-своему любила. Однако же его пренебрежительное, наплевательское отношение к ней, в конце концов, ожесточило молодую женщину. А её ближайшие родственники эту неприязнь злокозненно, неустанно подогревали.

– Незавидная твоя доля, Авдотьюшка... – вздыхая, говаривали ей тётки и свояченицы. – Благоверный-то твой у немцев неделями живёт... Гляди, и полюбовницу себе завёл, дочку кабатчика ихнего. Бражничает да распутствует с еретиками! Сан государя православного и супруга законного позорит!

Евдокии, выросшей в строгих, стеснительных рамках тогдашнего семейного уклада, всё происходящее казалось адом. Перед глазами всех россиян – и знати, и простого люда – ещё стоял образ покойного царя Алексея Михайловича – примерного, любящего семьянина, вначале знавшего только одну женщину – Марию Милославскую. Это уже после её кончины Тишайший женился на Наталье Нарышкиной. Не она ли свела его в могилу?..

Вторая супруга царя слыла женщиной своенравной и сумасбродной. Женив шестнадцатилетнего сына на Евдокии Лопухиной, она вскоре

крепко невзлюбила невестку и всячески потакала Петру в его упорном небрежении супружескими обязанностями, даже подстрекала отправить сноху в монастырь. А маленький Алексей рос в гнетущей атмосфере интриг, озлобления и страха...

22

В Неаполе Пётр Андреевич Толстой встретился с графом Дауном, который зорко опекал сбежавшего царевича Алексея. Граф носил титул вице-короля Италии и поэтому принял русского посланника не слишком любезно, но Петру Андреевичу было не привыкать. После нескольких дежурных, ни к чему не обязывающих фраз о здоровье и благополучии русского монарха граф сделал вид, что вполне удовлетворён визитом Толстого и на этом аудиенция может закончиться.

– А каково здоровье важной персоны, любезно принятой Вами? – вполне невинно полюбопытствовал Толстой.

– Какой персоны? – насторожился вице-король.

– Наследника российского престола...

Даун смешался ровно на секунду. Будучи предупреждён письмами своего императора и вице-канцлера Шёнборна о возможном розыске сбежавшего царевича, он заготовил несколько убедительных ответов, должных пресечь все попытки вероятных русских агентов. Вначале ему следовало разыграть полное недоумение, и только граф умело сотворил удивлённое лицо, Пётр Андреевич мигом оgoroшил его:

– Сына русского царя, который укрывается в замке Сент-Эльмо...

Граф Даун заметно растерялся. Этот пожилой, с острыми глазками и кустистыми бровями москвитин знал слишком много. Хотя император и вице-канцлер вовремя оповестили его, что русский посланник – прожжённая бестия и надо быть с ним настороже, но такой прыти вице-король не ожидал!

– Кстати, Ваше сиятельство, с наследником пребывает его наложница – дворовая девка Евфросинья, – спокойно добавил нежданный визитёр.

– Её наложница? – невольно воскликнул высокопоставленный собеседник и тут же осёкся.

Но провести Толстого было попросту невозможно. По заметной растерянности вице-короля он сразу догадался, что позиции наместника Италии весьма шатки и непрочны. Теперь ему следовало укрепить свои собственные.

– Я полагаю, что Вашему сиятельству отлично

известно, какие неприятности случаются в семьях... – с извиняющейся улыбкой заметил он.

– В семьях державных особ? – уточнил граф.

– Ну почему? – не замедлил с ответом собеседник. – В любых семьях, где есть отец и дети... – он сокрушённо вздохнул. – Разве не сказано в Священном писании: «Дети, будьте послушны родителям вашим во всём, ибо это благоугодно Господу!» Но, увы! – Толстой уныло развёл руками, и граф согласно кивнул, невольно поддавшись на простодушную уловку «русского медведя».

Откуда же ему было знать, что ловкий посланник царя москвитов намеренно низводил международный скандал до уровня привычной семейной склоки.

– К немалому сожалению, Ваше сиятельство, наследник весьма охоч до женских юбок, и его преступная связь со служанкой...

Но граф Даун успел кое-что вспомнить:

– Насколько мне известно, господин посол, супруга вашего славного монарха – особа отнюдь не королевских кровей?

Однако Петра Андреевича было не так-то просто выбить из колеи:

– Простите, граф, но законною женой Алексея была покойная Шарлотта, свояченица Вашего императора, не так ли?

Вице-король нехотя кивнул. Сын Петра первым браком был женат на герцогине Вольфенбюттельской, родившей ему двух детей – дочь Наталью и сына Петра, умершей при родах последнего.

– Чем же так обеспокоен ваш государь? – граф Даун решил выиграть время, сведя неугодный визит Толстого к вещам сугубо мелочным. – Ему очень не нравится новый выбор наследника? Это наводит его на вероятные нежелательные сравнения? Ну что ж, это можно понять...

Это был сильный ответный ход. Он давал повод думать, что Петру противен поступок Алексея только потому, что он уподобился отцу в желании связать свою судьбу с простолюдинкой. Толстой мгновенно оценил обстановку и, вопреки ожиданиям хозяина, не стал ничего оспаривать, ограничившись глубокомысленным вздохом. Граф, мол, волен думать что угодно, а ему-де не положено вторгаться в помыслы державных особ.

Терпение вице-короля стало иссякать. Он терялся в догадках: то ли его странный гость непросто туп, то ли перед ним изощрённый интриган и прохвост, встреча с которым не сулит ничего утешительного.

– Вместе с этой девицей находится её родной брат и трое слуг... – спокойно продолжил Пётр Андреевич.

– Что вы этим хотите сказать? – сухо ответил Даун.

– Вполне вероятно, что они силой или обманом увезли царевича.

Граф оторопел:

– Силой? Как это возможно?! Вы не преувеличиваете?

Толстой снисходительно улыбнулся:

– Разве Ваше сиятельство ничего не знает о приворотах, любовных зельях и прочих коварных хитростях? – он сделал паузу и прибавил доверительно: – Наследник, к сожалению, не слишком твёрд характером и охотно подпадает под чужое тлетворное влияние, особенно женское... – маленькие зоркие глазки посланника заметно погрузнели.

– Ну, хорошо, – не выдержал граф, – что вы от меня хотите?

– Ничего невозможного, Ваше сиятельство, – смиренно ответил гость, – разрешьте мне увидеться с наследником, дабы убедиться – здоров ли он и каковы его дальнейшие намерения? Поверьте – ничего больше...

Вице-король озадачился. Согласно указу императора, он не должен был идти ни на какие уступки. Карл VI считал, что Алексей надёжно укрыт от агентов Петра. Нужно только выиграть время – русским это надоест, и они, в конце концов, оставят все попытки. Но не тут-то было! Молчание затянулось. Как ни старался хозяин сделать отстранённое, непроницаемое лицо, его собеседник, вопреки всему, догадался, какую драму тот переживает.

– До Сент-Эльмо часа два пути... – негромко обронил Толстой.

– Что вы намерены делать? – неприязненно спросил граф.

– Ничего противозаконного, – гость развёл руками. – С Вашего позволения, Ваше сиятельство, нам надлежит увидеться с царевичем и передать ему письмо отца, – в голосе Петра Андреевича не скрывалось ни малейшего подвоха, а лишь одна покорнейшая просьба.

Хозяин заколебался: коль скоро гостю известно местонахождение наследника, то стоит ли так непоколебимо упорствовать? Может стать, что сам Алексей не захочет встречаться с упрямым посланником отца. Возьмёт и пошлёт его подальше...

– Ну, будь по-вашему, – недовольно кивнул граф, – поезжайте... – он поправил парик и вздох-

нул. – Я отправлю с вами своего секретаря...

Толстой склонился в глубоком поклоне...

23

Для российского самодержца вся история Длбегства его сына за границу и невероятные, тяжкие усилия по его скорейшему возвращению имели судьбоносное значение. Отношения с нелюбимой первой женой и столь же нелюбимым сыном давно тяготили Петра, но расквитаться с ней и с ним окончательно – времени решительно не хватало. Государь понимал, что в годы своей бурной молодости, уступив настойчивым уговорам матери, он сделал неверный, роковой шаг, однако тому были причины...

– Петруша, – внушала ему Наталья Кирилловна, – эта мерзавка Софья того и гляди лишит тебя престола! Или, хуже того, возмутит опять стрельцов, и всех нас миглом порешат! Женить тебя надобно, милый...

– Беспременно, женить! – поддакивал ей брат Лев Нарышкин. – Там детишки пойдут, наследники, глядишь – и род наш укоренится! Тогда шиш Милославским!..

Шестнадцатилетний Пётр понимал, что мать и дядя безусловно правы. А его не столько пугала вероятность лишиться престола, сколько угроза расстаться с жизнью. Он накрепко запомнил тот кровавый стрелецкий бунт, гибель старого Артамона Матвеева и своих дядьёв – Ивана и Афанасия...

– Как прикажешь, матушка, – соглашался покорный сын, прекрасно понимая, что предстоящая женитьба лишь частично укрепит его шаткое положение. Был ещё брат Иван, связанный браком с Прасковьей Салтыковой, и если у них родится наследник, то Милославские воспрянут духом.

Но, будто на грех, супруга Ивана родила одних девочек. Между братьями, как ни странно, не наблюдалось вражды. Слабоумный Иван добровольно уступал первенство живому, деятельному младшему брату. А Пётр, в свою очередь, относился к нему бережно и заботливо, без малейшей тени лицемерия. Кстати, эта исключительная черта отличала его всю жизнь, что крайне удивительно для человека, оказавшегося на вершине власти.

Хотя, если вспомнить детские и юношеские годы Петра – никто его воспитанием, заботливо и пристально, не занимался. Подросток, а потом юноша рос, предоставленный самому себе. К счастью, натура царского отпрыска оказалась настолько пытливой и одарённой, что в примерах назидательных и руководящих не нуждалась.

Проворный, сметливый, жадный до всякого ностящего, полезного и нужного дела, Пётр сам, без чьей-либо указки, искал себе достойное поприще и толковых учителей. А женитьбу он принял как докучливое, но необходимое предприятие. Несмотря на то, что приготовление к свадьбе и само пышное торжество донельзя раздражало его и бесило.

В утомительном, показном обряде венчания, когда жених и невеста играют роли, давным-давно кем-то чётко обозначенные, Пётр переживал едва удержимый протест. Его круглое, с большими карими глазами лицо дёргалось в нервной гримасе, тряслись прямые, узкие плечи и дрожала рука с горящей свечой... А юная новобрачная стояла рядом ни жива ни мертва, как поражённая ударом грома, ничегошеньки не понимая и не чувствуя.

Пожалуй, Пётр впервые в жизни испытывал такое тяжкое насилие над своей свободолюбивой, неукротимой природой. Лишь бы скорей закончилась эта ненужная ему, но необходимая его родне пытка, чтобы вновь окунуться в шумный, гремевший и бесшабашный мир огненных забав, отважной рубки и хмельного угара!

Но не таков был его нелюбимый первенец, родившийся год спустя после пышной свадьбы. Юная Евдокия, как тогда полагалось, рожала в мыльне, то есть в особой комнате при бане, на широкой лавке, в кругу прытких служанок и повитух...

На дворе стояла зима, снега намело под самые окна, в мыльне горели восковые свечи, стелился густой пар, и сборище женщин в мокрых рубашках, облепивших нагие крепкие тела, и шумно суетившихся вокруг роженицы, напоминало колдовской шабаш. Но роды прошли легко, ребёнок вышел на свет без героических усилий со стороны матери, хотя повивальные бабки не уставали покрикивать:

– Тужься! Тужься, милая! Пособи дитю!.. Ну, давай-давай, касатка! Потрудись, сердешная! Помогай ей, Матерь Божья!

Видимо, появление младенца из материнского лона казалось им подобием чуда. А когда вслед за головкой, плечиками и ручками – в крови и слизи – они разглядели худенькие ножки и то, что между ними пряталось, то мыльную огласили восторженные вопли:

– Мальчонка! Вот радость-то! Ай да Дуняша! Ягодка ты наша!

Молодая мать обессиленно улыбалась, раскинув по мокрой широкой лавке нагие бледные руки и густые каштановые волосы. Она была красива той мимолётной, сиюминутной красотой, когда одно живое создание дарует жизнь другому, испытывая при этом щемящую боль, предельную усталость и сладкое умиротворение... А новорожден-

ный тихо сопел и мелко шевелил крошечными ручками и ножками. Год был високосный, и ребёнок родился в последний день февраля – 29 числа...

– Надо пуп ему перевязать да помыть его хо-рошенько... – деловито распорядилась главная повитуха. – Гляди-ко, тихоня какой! Не буйный мальчонка будет...

Она как в воду глядела. Маленький Алёша не доставлял особых хлопот ни матери, ни нянькам. Сторонился бурных, шумных игр, любил рассматривать картинки в Псалтыре и Часослове, слушать сказки угодливой дворни. А старики помнили, что отцу его, ещё при живом царе Алексее Михайловиче, один купец подарил игрушечную саблю. Трёхлетний Пётр пошёл к дарителю на руки, крепко поцеловал его и с саблей не расставался. Царь и его окружение увидели в этом особый знак, который их несказанно обрадовал. Растёт будущий воин, значит, о судьбе Отечества можно особо не тревожиться!

И всё отрочество и юность будущего монарха прошли в огненных и водных потехах. Своё подобие или продолжение, как любому отцу, Петру хотелось увидеть в родном сыне, но Алексей рос тихим и робким, любил уединение и покой. Живя под присмотром матери, обиженной и отвергнутой мужем, мальчик невольно заражался её неприязнью и ожесточением к отцу. И окружение Евдокии, мамки, няньки, служанки, сеньные девки и ближняя родня, изнывавшие от бездельной, сытой жизни, судили и рядили на все лады молодецкие забавы Петра, его дружбу с иноземцами и шумные кутежи...

Но не одна лишь царица и её присные нещадно костерили молодого царя. Поднимался глухой, недовольный ропот в народе, его разделяли и многие священнослужители. Духовник Евдокии протопоп Егор Игнатьев, учивший Алексея азам православия, порицал и корил Петра. А корить было за что. Молодой государь, взяв бразды правления в свои крепкие, мозолистые руки, не давал ни малейшего спуска никому. Наигравшись вволю воинскими потехами, вна-чале он затеял войну с турками, с трудом одолел их, потом перекинулся на шведов...

Потерпел бесславное поражение под Нарвой, однако не уgomонился, ввязавшись в изнурительное, непрерывное, многолетнее противоборство с северным соседом, тяжким грузом придавившее Россию. Но больше всего ревнителей старины возмущали указы Петра о замене русского платья на немецкое, позорное бритьё бород, курение табака, рекрутские повинности, непомерные налоги, притеснение церкви...

Война со шведами требовала больших денег, а казна пустела, и царь решил изъять богатейшие монастырские сокровища и даже перелить на пушки колокола. Патриарха на святой Руси не было. После смерти последнего – Иокима – нового не избрали.

Маленький Алексей, живший в Москве, видел, слышал и знал, как старомосковская знать и священнослужители ненавидели его отца. На первой своей исповеди перед протопопом Игнатиевым мальчик поклялся, что будет вечно ему повиноваться, видя в нём своего ангела-хранителя. А тот, в свою очередь, поведал наследнику о негодованиях духовенства, безжалостном утеснении народа, постыдной гибели нравов и о том, что этому однажды должна случиться перемена...

– Когда? – глядя исподлобья на священника, спросил Алёша, втайне зная ответ.

– А когда ты взойдёшь на царство, – кротко ответил Игнатьев.

Маленький царевич ещё ниже склонил темно-русую голову...

24

Пока Пётр вместе с Екатериной, их немногочисленной свитой и «дипкорпусом» путешествовал по Европе, генерал-губернатор Санкт-Петербурга Светлейший князь Меншиков хозяйствовал во вверенных ему землях. Забот и хлопот, как всегда, хватало. Война со Швецией ещё не закончилась, Карл XII с единственным слугой вернулся на родину, пытаясь собрать армию и продолжить борьбу с Россией.

Потому у Александра Даниловича, кроме неусыпных стараний по благоустройству города и окрестностей, едва-едва доставало времени думать о возможных кознях со стороны давнего врага. Но Светлейший был готов ко всему. Преданно служа государю, он привык к тому, что Пётр, то ли намеренно, то ли по привычке, ничем не ограничивал круг его обязанностей, зная, что Данилыч его не подведёт.

Меншиков делал и отвечал за всё: будь то укрепление берегов Невы камнем и сваями, строительство новых кораблей, возведение крепостей, мощение дорог, постройка заводов и фабрик, набор рабочих и солдат, устройство их быта, командование войсками... Светлейший всюду был сведущ и незаменим.

И царь, отправившись в чужие края, чтобы поправить здоровье и заодно уговорить возможных союзников принудить-таки шведского короля к миру или окончательно добить его, мог

ничуть не тревожиться за родимое Отечество. Верный Данилыч и Правительствующий сенат отменно справлялись со своими обязанностями. Оставалось лишь не забывать то, вернее, того, о ком мало кто задумывался глубоко и всерьёз. Несчастливого царевича Алексея...

Перед отъездом в Европу в январе 1716 года Пётр писал сыну: «Или исправься, или будь монах». Исправляться наследнику не хотелось, идти в монастырь тоже. Государь определил ему срок в полгода, чтобы сын окончательно решился сделать какой-либо выбор. Сам же Меншиков, одолеваемый бесчисленными заботами, время от времени справлялся о своём бывшем воспитаннике, и помощники доносили ему, что Алексей по горло занят наложницей Евфросиньей, бывшей дворовой девкой старого князя Вяземского.

Светлейший скупно улыбался узкогубым ртом, то ли осуждая, то ли извиняя эту слабость наследника. Рыжая, веснушчатая, коренастая, с толстыми губами зазноба Алексея не вызывала ни малейших симпатий даже у лакеев и кучеров. Оставалось лишь смутно догадываться о каких-то тайных, сокровенных желаниях или порочных наклонностях царского сына либо обоих вместе...

Но так глубоко вторгаться в суть чужих отношений у Данилыча не было ни времени, ни желания. Он давным-давно уразумел, что его несчастный подопечный – почти «отрезанный ломоть», и не сегодня-завтра Пётр лишит его права на наследство.

И Светлейший понимал, что в этом случае его собственное положение только упрочится, ведь у царя и его супруги – Екатерины – родился сын, названный в честь отца Петром. Ему шёл третий год, но мальчик не ходил и не говорил. Видимо, царь повторял судьбу своего родителя – Алексея Михайловича – потомство которого по мужской линии почему-то рождалось слабым и недолговечным. И у сына – к несчастью, тоже...

Мальчики умирали, едва появившись на свет. Петра это удручало, его вторую жену Екатерину, бывшую любовницу Данилыча, также не радовало. Однако она не теряла присутствия духа и раз за разом умножала безуспешные попытки. Едва освободившись от бремени и оплавав очередного младенца, отчаянная женщина вновь, как тогда говорили, «брюхатела». Стоило лишь подивиться её неиссякаемому упорству и долготерпению...

Светлейший отлично понимал свою давнюю «утеху», он и она были заложниками чужой воли и обстоятельств. Теперешняя царица, а в прошлом простая служанка Марта, своего нынешнего положения смогла добиться только безотказной, неустанной, самозабвенной службой, отдавая ей всю

себя и ничего не требуя взамен.

Меншиков тоже не щадил себя, только знал цену своему усердию и деловой хватке. Частенько хватал через край и, будучи пойман за руку, получал пинки и зуботычины от государя. Рука у Петра была тяжёлой, и Данилыч, случалось, валился замертво, но тут на помощь неизменно прибегала Екатерина. Виски Светлейшего мазали уксусом, царица охала и ахала, государевы медики: Арендт или Арескин умело приводили князя в чувство. Пётр был гневлив, но отходчив, и через минуту уже сам помогал Данилычу встать на ноги...

Он понимал, что его ближайший друг и помощник нечист на руку, однако, к величайшему сожалению, заменить его было некем. Как и большинство людей, Пётр всерьёз полагал, что стоит способного и дельного человека наградить достойным чином и состоянием – и он тут же перестанет красть и присваивать чужое. Досадное заблуждение! Почти все сподвижники царя, а Меншиков блистательней всех, доказали, что предела подобным аппетитам не существует! И государь, убедившись в этом, махнул на ослушника рукой...

Завистники и недоброжелатели, даже прихлебатели князя, считали его сказочно богатым, чуть ли не властителем половины всего государства, хотя это было невероятным преувеличением. Светлейший был цепким хозяином небольших городов и обширных поместий, владельцем фабрик и мануфактур, распорядителем казённых и частных заказов. Ничто в Российском государстве не проходило мимо его внимания и участия. И на всём он умел погреть руки.

Только дело царевича Алексея ускользнуло от его всевидящих глаз. И скорее всего потому, что Данилыч не видел в нём особого для себя проку. Когда он получил короткое письмо Петра, в котором государь распорядился отправить наследника за границу, Светлейший приказал снарядить походную карету, снабдить царевича потребной суммой денег и проводить его с Богом.

Отговорившись важной занятостью, он даже лично не напутствовал наследника, не ведая о том, что тот прихватил с собой злосчастную любовницу, её брата и трёх слуг. В противном случае въедливый и осмотрительный князь наверняка заподозрил бы что-то неладное и принял бы меры. Но всё случилось как случилось.

25

Стоило Петру Андреевичу Толстому вместе с секретарём вице-короля Вейнхартом разместиться в лёгкой дорожной карете, как за их

спинами появились два всадника в мундирах драгунских офицеров.

– Это мои люди, – сказал по-итальянски Толстой, сбоку глядя на спутника, – капитан Румянцев с помощником.

Секретарь молча кивнул, стараясь ничем не выдать себя. Его патрон, граф Даун, наказал ему быть настороже с этим «русским прохвостом». В обязанности Вейнхарта не входило оказание любезностей в отношении Толстого, скорее напротив, он должен был при всяком удобном случае стараться препятствовать послу «москвитов». Неожданное появление вооружённых людей насторожило секретаря, и он, похоже, смешался. Экипаж тронулся. Толстой с любопытством смотрел в боковое стекло.

Стоял конец сентября. Щедрое итальянское солнце заливало ярким, ликующим светом живописные неаполитанские улицы, толпы шумящих, жестикулирующих, смеющихся людей в непривычных русскому глазу нарядах. Казалось, что все они – и мужчины, и женщины – знакомы накоротке и нет у них друг от друга ни малейших тайн.

– Можно подумать, – Толстой добродушно усмехнулся, – что все они либо смутьяны, либо умалишённые.

Сосед заметно озадачился.

– Почему? – спросил он через минуту.

Пётр Андреевич не спеша обратился к нему осанистое, густобровое, с маленькими зоркими глазками лицо:

– Шумят как на пожаре... – он качнул головой в «рогатом» парике. – Помню, когда мне впервой довелось сюда приехать, я подумал, что угодил прямо в преисподнюю! Кругом галдят, спорят, толкаются...

– Давно это было? – секретарь решил подержать разговор.

– Два десятка лет тому. Государь соизволил отправить меня учиться делу корабельному...

– В Неаполь? – удивился спутник. – Но здесь нет корабельных верфей!

Толстой поправился:

– Учился-то я в Венеции. А здесь осваивал морскую навигацию, плавал на Мальту и на Сицилию.

Вейнхарт внимательно оглядел спутника. Дикий москвит оказался весьма образованным и сведущим человеком, к тому же он прилично говорил по-итальянски. Секретарь ему в этом сильно уступал. Карета незаметно выкатилась на окраину.

Низкорослые оливковые рощицы и небольшие уютные домики с красными черепичными крышами замелькали по обе стороны дороги.

Городской шум утих, повеяло сельской прохладой. Один из всадников, сопровождавший экипаж, что-то крикнул ему вослед.

– Что он? – забеспокоился секретарь.

– Он сказал, что нужно свернуть направо. Дорога там короче, – спокойно ответил Толстой.

Попутчик, как ни старался, не смог скрыть удивления и тревоги. Выходило, что не только главный москвит, но и его подручные успели всё разведать и пронюхать! А если так, то в чём теперь заключается его миссия? Что в его силах этому противопоставить?

– Поворачивай направо! – скомандовал он кучеру.

Тот охотно подчинился. Карета свернула на малонаезженную колею.

– А принц Алексей тоже готовился стать капитаном? – секретарь решил расположить к себе соседа.

Пётр Андреевич нахмурился:

– Государь готовил его ко многому, и к морскому делу тоже, но, увы! – он сокрушённо вздохнул.

Спутник, уже достаточно осведомлённый о расправах в семье русского монарха, деликатно подержал его:

– Молодёжь, как правило, горячо бунтует против обычаев и взглядов своих родителей. Всё ей видится не так... Видимо, такова человеческая природа!

Толстой мельком взглянул на соседа и недовольно пробурчал:

– Это смотрят кто и как бунтует и что за этим бунтом стоит!..

В этой короткой, но ёмкой фразе таилось столько подспудного, скрытого смысла, что секретарю стало не по себе. Но через мгновение ему страстно захотелось услышать от попутчика более подробные и внятные объяснения.

– У принца и вашего государя есть какие-то неразрешимые вопросы? – спросил он вполне невинно.

Толстой молчал. Он наверняка уже корил себя за неожиданно вырвавшееся откровение и не собирался продолжать разговор. Вейнхарт понял свою оплошность и намеревался исправить положение. Однако не успел он открыть рта, как сосед отодвинул боковое стекло, высунулся из кареты и прокричал что-то молчаливым всадникам, скачущим следом...

Один из драгун громко ответил. Толстой опять задал какой-то вопрос. Драгун махнул рукой и весело рассмеялся. Секретарь терялся в догадках. Он не знал русского языка, но по интонациям уловил, что москвиты, скорее всего, обме-

нивались какими-то известиями. Любопытно бы знать, о чём они говорили?

Толстой вновь уселся как должно, и по его лицу попутчик понял, что короткий диалог с драгуном прошёл удачно.

– Всё хорошо. Нас уже ждут... – негромко бросил он в ответ на недоумённое молчание Вейнхarta. А того так и подмывало спросить – чему смеялся всадник, которого посол назвал капитаном?

– А вон, кажись, и сам замок, – задумчиво произнёс Пётр Андреевич, вертя головой в пышном парике. Он сказал это по-русски, но секретарь, как ни странно, понял его. Экипаж замедлил ход...

Драгуны объехали его, и навстречу им рысью приблизились ещё два всадника. Капитан стал их о чём-то расспрашивать, а Толстой распахнул дверцу и, возвысив голос, властно окликнул всю четвёрку. Секретарь расстроился вконец. Ему безо всяких пояснений стало понятно, что коварные москвиты со всех сторон обложили бежавшего русского царевича и вырваться из этих цепких, нерасторжимых объятий нет никакой возможности...

А сам замок Сент-Эльмо, вернее, богатое итальянское «палаццо», выстроенное в стиле строгого классицизма, ограждённое металлической решёткой, с портиками и колоннами, едва ли уберёжёт наследника. Толстой повернулся к спутнику:

– Ну что, господин секретарь, – на его суровом, сосредоточенном лице скользнула затаённая усмешка, – пойдём поглядим на нашего беглеца!..

Вейнхарту на секунду стало страшно. Хотя в словах и голосе посла москвитов не прозвучало ни малейшей угрозы и даже намёка на какую-либо коварную уловку или подвох.

– Да-да, – неловко пробормотал он и, едва не оступившись, полез из кареты. А два спешившихся драгуна под руки заботливо извлекали на волю Толстого. Оказавшись на твёрдой земле, он неспешно приосанился, поправил пышный парик, взял в руку трость:

– Ну, братцы, с Богом! И да поможет нам Всевышний! – произнёс он на родном языке и размашисто перекрестился...

26

В свой любимый «парадиз» (земной рай) Пётр вернулся в начале ноября 1717 года. Санкт-Петербург встретил его пасмурной, ветреной, неласковой погодой. Тёмно-серые свинцовые воды Невы угрожающе набегали на берег, словно негодуя на суетных, безрассудных людишек, посмевших выстроить здесь свои жалкие жилища...

Государь тут же проследовал в небольшой, уютный Зимний дворец, возведённый на Адмиралтейской стороне города. Здесь его уже ждал вездесущий Данилыч.

– Ну, докладывай, господин губернатор, как тут в моё отсутствие дела-то делались? – не приводя себя в порядок и почти не отдыхая, потребовал отчёта Пётр.

Светлейший с готовностью ответил:

– Изволь, государь, тебе нижайше доложить: Котлинская гавань укреплена изрядно, амбары для корабельной поклажи все отстроены. Каналы подле Адмиралтейской крепости вычищены до дна, куртины, как ты приказывал, Пётр Алексеич, одеты в камень...

Царь, сидя в глубоком кресле, кивал головою в такт словам генерал-губернатора, но, судя по выражению лица и прищуренным большим глазам, озабоченность его не оставляла.

– А что там за оказия с Апраксиным приключилась? – спросил он глуховатым баском.

– В Финляндии? – охотно откликнулся Данилыч и чуть улыбнулся выразительным ртом. – Ежели сказать по правде, мин херц, сенат грозился посадить меня под арест... – он развёл руками. – Апраксин депеши слёзные шлёт – армию, мол, кормить нечем! Спасайте, братцы! А сенаторы твердят одно – казна пуста! Денег – ни гроша ломаного...

Пётр сокрушённо вздохнул. Светлейший мельком глянул на него и присовокупил отчаянно:

– Я приказал из всех купеческих лавок забрать провианта на двести тысяч рублей и отправить Апраксину в Або, то бишь в Финляндию. Солдат спасать надобно! Честь России куда дороже денег! Не так разве?

Пётр порывисто вскочил, обнял Светлейшего за плечи и поцеловал в лоб. Данилыч спрятал довольную улыбку. Государь вновь опустился в кресло и сердито нахмурился.

– Скажи, а наследник-то мой каким манером улизнул? Обвёл всех вокруг пальца, что ли? Воистину – нежданно-негаданно...

Меншиков ждал этого вопроса, но с ответом не спешил. Он вовремя понял, что бегство Алексея стало едва ли не важнейшей бедой и заботой не только самого царя, но и всего государства.

– Отбыл Алексей Петрович, – сдержанно начал Светлейший, – вполне на законных основаниях, – он посмотрел в лицо Петра, – после того, как получил, государь, твое строгое распоряжение...

Пётр согласно кивнул. Данилыч сделал попытку оправдаться:

– Кто же знал, что он такую подлую пакость выки-

нет? Я в это время в Кронштадте был, за работами надзирал, потом армию спасал.

Государь молчал. Даже если Светлейший и не говорил всей правды, упрекнуть его было не в чем. Он и в самом деле трудился в поте лица и сделал почти невозможное.

– Ладно, – твёрдой ладонью Пётр стукнул по подлокотнику, – Толстой сообщает, что Алёшку удалось-таки в замке накрыть. Теперь его надобно от девки этой отделить и в Австрию отправить.

– А там его свояк-император поджидает! – подхватил Меншиков, давая понять, что он вполне осведомлён о семейных связях беглеца.

– Вот-вот, – Пётр согласно кивнул, – теперь одна надежда на Толстого и Румянцева... – он качнул лысеющей головой. – Они должны пресечь все его попытки, дабы он к свояку в ноги не бросился. Спаси, мол, и сохрани...

– А ежели это случится? – Данилыч рискнул сгустить краски. – И Карл всё-таки (он имел в виду австрийского монарха) решит оставить царевича у себя?

– Тогда придётся вызволять его силой! – решительно ответил Пётр. – Я приказал Вейде двигаться к границам Австрии. Сдаётся мне, что он уже достиг конечных польских рубежей...

В зале повисло тяжёлое молчание. Оба – и царь, и князь – понимали, что грядущая военная кампания, если таковая случится, не ограничится только боевыми действиями между Россией и Австрийской империей. В неё непременно (и охотно) вмешаются ближайшие европейские державы и Оттоманская Порта, отношения с которой держались на призрачном, хрупком мире. А не единожды битый шведский король Карл XII уже вернулся к себе на родину, судорожно пытаясь набрать новую армию и жестоко отомстить России.

– Каша-то тогда заварится густая да шибко го-ря-ча-я... – осторожно произнёс Светлейший, нарушив тягостное безмолвие.

– Вот и я так думаю, – негромко ответил царь и раздельно выругался. – А всё из-за этого ослушника поганого, чёрт его дери! Сыночка моего никому-дышного. Наследника окаянного!

Данилыч склонил повинную голову. Он ещё не забыл, что когда-то главным воспитателем наследника числился Алексашка Меншиков, ближайший наперсник и друг царя. Пётр хмуро глянул на него и бросил:

– Но отступать всё одно некуда! – он криво усмехнулся. – Это ведь не подлый старикашка Мазепа, на предательство коего можно было рукой махнуть, а наследник престола России! – в голосе царя прозвучал металл. – Ведь не мне – отцу своему

– он обиду и стыд великий учинил, а Отечеству своему! Как посмел? Как решился?!

Светлейший был далеко не трус и не однажды рисковал жизнью и под Азовом, и под Нарвой, и под Полтавой, где под ним убили трёх лошадей, но здесь, в небольшом зале Зимнего дворца, ему стало, без всякого преувеличения, страшно. Он прекрасно помнил и знал, как бывает грозен и беспощаден царь в минуты праведного, неукротимого гнева.

– Про-кля-ну изменника! Лишу всего! Только попадись он мне! – гремело в залах и переходах.

И даже невозмутимая, покладистая Екатерина, умевшая укрощать самые свирепые порывы царственного супруга, в немой тревоге сжимала смуглые, привыкшие к любой работе руки, не решаясь вмешаться в происходящее. Тихо сидела в своей комнате, чутко прислушиваясь ко всему. А девятилетняя кроткая Аннушка и восьмилетняя бойкая Лизутка тесно прижимались друг к дружке, готовясь горько заплакать...

27

Увидев в дверях плотную, приземистую фигуру Толстого, следом за которым уверенно шагал бравый драгунский капитан, Алексей оцепенел. Страх, нет – ужас парализовал его настолько, что бедный наследник был не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Замер, как статуя, посреди зала. И только когда за спинами вошедших появился знакомый секретарь вице-короля, царевич едва-едва пришёл в себя.

– Что вам угодно? – произнёс он по-немецки, обращаясь к Вейнхарту, словно давая понять, что тот здесь главный и он отдаётся на его волю.

– Дорогой принц... – начал было немец, но Толстой перебил его:

– Алексей Петрович, – заявил он безо всяких обиняков, – мы за тобой больше года бегаем! Всю Европу почитай исколесили... Пощади ты нас! Доколе нам за тобой носиться?! Никаких сил нет!

Секретарь в недоумении замер. Он не понимал языка, на котором говорил посол московитов, но укоризненный и в то же время просящий тон Толстого озадачил его.

– Ты покинул пределы Отечества, ни у кого не спросясь, ни с кем не советуясь, – смиренно продолжал Пётр Андреевич. – Это твоё дело, голубчик... – он перевёл дыхание. – Но ты даже не подумал о том, что твоя судьба кого-то сильно волнует?! Как же так можно?! Помилуй Бог!

Алексей, потрясённый неожиданной встречей,

почти не воспринимал ничего вокруг. И увещающий, отеческий голос Толстого не проникал в его сознание. Высокий, узкоплечий, узкогрудый и сутуловатый, как и его отец, он недвижимо застыл перед незваными гостями, похожий на знак молчаливого вопроса.

– Кто же тебя надоумил в здешних-то покоях укрываться? – Толстой широко расставил руки и повертел головой, озабоченно оглядывая высокий, с гладкими колоннами зал, сверкающий чистотой и светом.

– Что вам угодно? – вновь спросил Алексей уже по-русски.

– Мне-то? – Пётр Андреевич приложил ладони к груди, точнее – к тому месту, где предполагалось быть сердцу. – Мне, голубчик, угодно лишь одно – скорее передать тебе послание моего государя и твоего дражайшего родителя... И ничего более! Уж поверь!

Секретарь переводил недоумённый взгляд с одного собеседника на другого. Перепуганный, вернее – затравленный вид русского царевича настораживал его, однако же вполне мирный, даже благожелательный облик Толстого не вызывал никаких подозрений.

– Согласись, дорогой Алексей Петрович, – продолжал искушать царевич изворотливый гость, – разве твой единственный родитель не вправе беспокоиться о судьбе своего сына? Тем паче что кругом злые недруги рышут... Мало ли что может с тобою приключиться, – в голосе Толстого проскользнули тревожные, опасливые нотки.

Наследник чуть расслабился. Видимо, слова, сказанные Толстым, всё-таки проникли в его душу.

– Со мною приключиться? – на его длинном, бледном лице мелькнула тень неудовольствия. – Всё, что только могло приключиться – уже приключилось! Разве не так?

Пётр Андреевич продолжал наступать, вернее, обкладывая жертву всяческими уловками, дабы не дать Алексею времени на раздумье:

– Нет, голубчик! Нет, любезный! Не гордыня ли твоя непомерная к тому привела? Приключение – отречению рознь! Не так ли?

Страх в лице царевича сменился растерянностью и оторопью. Он вновь обратился к секретарю по-немецки:

– Что нужно этим людям? Зачем они здесь?

Вейнхарт смутился:

– Ваше Высочество, – он сделал короткую паузу, – Его Величество император снизошёл к просьбе Вашего отца и позволил этим господам лично увидеть Вас...

– Зачем?

Секретарь собрался:

– Чтобы Вы могли объяснить Ваш поступок...

– Но я же всё объяснил императору! – говоря это, Алексей постепенно приходил в себя, и Толстой, заметив эту перемену, заволновался и хотел вмешаться в разговор. Вейнхарт в ответ на взволнованную реплику наследника неловко отмолчался. Петру Андреевичу это было на руку.

– Я привёз тебе, дорогой Алексей Петрович, письмо твоего родителя, – заботливым, отеческим тоном нарушил он неловкую тишину.

Царевич, обескураженный непонятым, предательским поведением помощника вице-короля, не знал, как себя вести. Его впечатлительная, неуравновешенная натура жаждала стойкой, непоколебимой защиты, а тут происходило нечто странное и пугающее. Из обшлага нарядного камзола Толстой извлёк небольшой запечатанный конверт. Алексей с возрастающим страхом следил за ним...

Единственный сторонний свидетель – драгунский капитан Румянцев – наблюдал за происходящим с живым, но безучастным интересом. Вмешиваться во что-либо не входило в его обязанности, он должен был играть некую охранительную, устрашающую роль. «Гвоздём» всего случившегося на его глазах был Пётр Андреевич Толстой.

Когда он поднёс к груди наследника запечатанный пакет, капитану показалось, что Алексей принял его за готовую взорваться бомбу. Даже немец-секретарь ужаснулся увиденному: лицо наследника стало белее алебаstra, на лбу выпали бисеринки пота, губы мелко дрожали...

– Прими, – негромко вымолвил Толстой, – Пётр Алексеич добра тебе желает. И неустанно печётся о наследнике своём. Отец он тебе или нет?!

Царевич едва не упал в обморок. И всем находившимся в зале почему-то стало жаль его. Хотя, в силу разного рода обстоятельств, у каждого на сей счёт были свои причины и побуждения. Дрожащей рукой Алексей взял конверт.

– Ну вот и славно, голубчик... – не глядя ему в лицо, добродушно ворковал Толстой. – Прочти, подумай и ответь. А мы с капитаном, – он кивнул на Румянцева, – тут недалече будем. Дашь знак, коли захочешь.

– Ваше Высочество, Вы в порядке? – подал голос секретарь.

Наследник молча качнул покаянной головой...

28

В свой просторный дворец на Васильевском Острове Меншиков вернулся около полуночи. Иззябший, в мокрой, залитой невиской водой

одежде, он почти бегом одолел шесть ступенек мраморного крыльца и скользнул между высоких колонн парадного подъезда.

Встревоженная Дарья Михайловна ожидала дорогого супруга на площадке второго этажа, в окружении трёх девок-служанок, державших в руках серебряные шандалы с горящими свечами.

– Алексаша, – негромко посетовала она, – ты же насквозь промок! Смени платье скорее – не то опять захвораеть!..

Светлейший не успел сбросить промокший плащ, как опрометью к нему бросились дворецкий, камердинер и лакеи, нагруженные ворохом сменной одежды. Одни проворно снимали с него сырое бельё, другие умело одевали князя в тёплый шлафрок, шерстяные чулки и домашние туфли. Князь охотно, без малейшего неудовольствия позволял верным слугам обхаживать себя. Он чтит заботливое отношение к собственной персоне. А к Дарье Михайловне, мелко семеня короткими ногами, приблизилась младшая горбатенькая сестра Варвара и сделала ей знак рукой. Дарья Михайловна склонилась к ней красивую голову.

– Ну, что там ему государь наказывал? – шёпотом спросила калека.

Хозяйка ответила:

– Пока не ведаю. Алексаша ещё не сказывал...

Светлейший, умело запахивая халат, поднялся по широкой лестнице навстречу своим домашним.

– Вы почему не спите? – заботливо спросил он у сестёр.

– Как можно, Алексашенька! – воскликнула Дарья Михайловна. – На дворе непогода лютует, а ты по реке в лодке плаваешь! Какой тут сон?!

Светлейший снисходительно улыбнулся:

– Ну что поделаешь, матушка! Я должен был перед государем отчёт держать... А он на другом берегу проживает!..

Горбатенькая Варвара сурово промолвила:

– Всё ему недосуг! Не успел в Россию воротиться – мигом подавай ему подробный отчёт! Вот торопыга-то, Господи, прости! – она наспех перекрестилась сухой, костлявой рукой. Все трое неспешно отправились в дворцовые покои. Служанки со свечами в руках угодливо сопровождали господ. Князь понимал озабоченность своих близких и секретов от них никогда не держал. И Дарья Михайловна, и её сестра Варвара принимали самое живейшее участие в его делах и заботах.

А мудрыми советами свояченицы он временами успешно пользовался. Как большинство увечных людей, она была чрезвычайно наблюдательна, памятлива и точна в оценках. Даже сам царь, многие

годы общавшийся с ней, с уважением относился к родственнице Данилыча.

– Не токмо с женой повезло тебе, брудер, – шутиво посмеивался царь, хлопая его по плечу, – но и свояченица у тебя – чистый клад!

Меншиков этого не отрицал. Не только в делах сугубо житейских, но и касаясь дел государственных Варвара многое смыслила. В просторной опочивальне князь уселся в своё любимое кресло, супруга и свояченица разместились на мягких, низких пуфах. Девки-прислужницы умело подбросили дровишек в высокий камин, разожгли свечи в дорогих канделябрах. Камердинер Ганс принёс хозяину раскуренную трубку. Светлейший с удовольствием затянулся.

– Ну, будет. Ступайте, – махнула рукой хозяйка.

Служанки и камердинер тихо удалились.

– Государь-то сильно гневался? – резким, скрипучим голосом спросила калека. Светлейший бросил короткий взгляд из-под нависших бровей:

– Был бы резон, а гнев делу не помеха...

– Пётр Алексеич из-за Апраксина гневаться изволил? – вмешалась в диалог Дарья Михайловна. Князь и Варвара переглянулись. Они оба без лишних слов поняли друг друга.

– Нет, Дарьюшка, – мягко ответил супруг, – главная беда нынче – сбежавший наследник... Теперь для царя важнее заботы нет!

Калека скупно улыбнулась сухим, подвижным ртом:

– Усердные заботы – пустые хлопоты! Хлопотать надо было раньше – когда Алёшка под стол пешим ходил...

Дарья Михайловна взяла царя под защиту:

– Да когда же ему, Варя, было время сыном-то заниматься?! То с турками война, то со шведами, то опять с турками!

Все понимали, что, оправдывая Петра, она имела в виду и своего мужа. Ведь главным воспитателем царевича считался Меншиков.

– Сколько ему годов-то? – оборвала сестру калека.

– Кому?

– Ну, Алексею...

– Двадцать осьмой пошёл... – негромко буркнул Светлейший.

Варвара покачала внушительной, гладко прибранной головой:

– Выросло чадушко. Теперь его ни подле себя, ни в крепкой оgrade не удержишь!

Дарья Михайловна поняла её слова почти буквально:

– И за это Пётр Алексеич тебя крепко ругал?

Светлейший нахмурился:

– Моей вины тут никакой нет, – он пожал плечами. – Государь опасается, что за наследника воевать с Австрией придётся. А как вся Европа на это посмотрит? Особливо Франция с Англией?

Сёстры встревоженно переглянулись. Дарья Михайловна, будучи женщиной возвышенной и романтической, представляла всё окружающее в размытых, туманных красках, а Варвара видела и чёрные, и белые тона.

– А ежели австрийцы наследника возьмут да шведам выдадут? – напрямик спросила она.

Светлейший сокрушённо вздохнул:

– Вот и мы с Петром Алексеичем того опасемся... – дальше говорить ему не хотелось. А Дарья Михайловна разом подхватила:

– Да неужто тебя, Алексашка, государь отправит с австрийцами воевать? Шведов ему, что ли, мало?! – траурные, заупокойные ноты прозвучали в её голосе.

Меншиков чуть усмехнулся:

– Воевать там, слава богу, и без меня охотники нашлись. Вейде с армией уже стоит у польских границ.

Супруга мигом успокоилась, а проницательная Варвара не преминула полюбопытствовать:

– Наследника-то из австрийских лап неужли выволить никак нельзя? Выкупить или вырвать каким-нибудь манером?

Князь внимательно взглянул на свояченицу, помедлил и ответил:

– Петруха Толстой там из последних сил старается. Землю под собой роет – да толку пока не видно...

Калека подумала и с ходу предположила:

– Ведь Алексей не одиночкой туда бежал? С ним, поди-ка, холопы верные улизули. Его пособники.

– Девка-полюбовница, брат её и трое слуг, – поддакнул ей князь.

– Ну, вот! – почти обрадованно подхватила Варвара. – Коли им всем знатный куш посулить...

– То они выдадут наследника с потрохами? Сие возможно вполне, – согласно поддержал Светлейший. Дарья Михайловна перевела взгляд с сестры на мужа:

– А любовница у него кто такая? Откуда взялась?

– Девка-чухонка, служанка старого князя Вяземского, – неохотно пробурчал супруг. Варвара хитро улыбнулась:

– У них с отцом это, видать, семейное! Пётр Алексеич женился на прислужнице и сынок его... – она вовремя прикусила язык, заметив, что у сестры обидно поджались губы. Все помнили, что Екатерина когда-то была в услужении

у Светлейшего князя, а тот позаимствовал её у графа Шереметева.

– Царевича пока не удалось из замка выманить, а там ему дорога в Австрию предстоит... – прервал неловкую паузу князь, желая замять скользкую тему. – Толстой и капитан Румянцев его на контроле держат, думают, на какую наживку щуку поймать.

Женщины согласно молчали. Они понимали, что все житейские передраги зависят только от желаний и воли мужчин. Это их планами, стремлениями и поступками движется любое громкое событие: будь то война, перемирие, благополучие семьи или её обнищание. Сёстры были боярышнями из славного рода Арсеньевых, рано лишились отца, но с ранней юности обе стали ближайшими подругами царевны Натальи – единственной и любимой сестры Петра.

И, несмотря на кричащее неравенство в происхождении, Дашенька когда-то искренне полюбила Алексашку. Ведь парень он был ладный, высокий, стройный, с голубыми – майского неба – глазами. Супругом и хозяином оказался отменным: все заботы и тяготы по обустройству будущих мест проживания: в Москве ли, в Петербурге и окрестностях, в Раненбурге, Батурине и далее – он с великим усердием брал на себя...

А Дарья Михайловна не знала при нём ни малейшего стеснения и нужды. Иногда казалось, что всё делалось по какому-то волшебству. Стоит ей лишь захотеть новое платье, дорогую мебель или роскошную карету – Алексаша всё уже привёз!

Только сестра Варвара временами одёргивала её, трезво намекая, что семейное благополучие – вещь, безусловно, важная, однако же зависит оно от благорасположения царя. Изменится его душевная привязанность, иссякнут благие порывы – и оскудеют все княжеские закрома и припасы, а хоромы уйдут с молотка!

29

Дрожащими, лихорадочно трясущимися руками Алексей распечатал послание отца. Буквы и слова прыгали перед его глазами. А будь оно написано рукою Петра – послушник-сын не разобрал бы в нём ни строчки. (Стремительный, неровный, скачущий почерк царя разбирали только особые знатоки.) Видимо, письмо сочинялось под диктовку кабинет-секретарём Макаровым.

«Мой сын! Понеже всем известно, какое ты непослушание и презрение воле моей делал», – царевич, казалось, услышал гневный, громовой голос отца и пугливо оглянулся...

В комнате не было никого. Иных слов он от него

и не ждал. И всю свою недолгую, нескладную жизнь ему приходилось довольствоваться лишь тем, что его деятельный, суровый родитель неустанно попрекал, журил и наставлял своё непутёвое чадо. Колочение взгляды, грозные окрики, площадная брань и даже побои – всё это выпало с лихвой на его злосчастную долю.

«И ни от слов, ни от наказания ты не последовал наставлению моему. Но наконец, обольстив меня и заклинаясь Богом, при прощении со мною потом что учинил?»

Беглец с превеликим трудом взял себя в руки. Укоризненные слова отца заставили его вспомнить события полуторагодичной давности. В последнюю встречу с царём он искренне покаялся исправиться и обещал немедленно заняться полезным делом, дабы не слыть ослушником и обузой. Отец ему в который раз поверил...

Алексей вернулся к последней прочитанной строке: «Потом что учинил? Ушёл и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, что не слыхано не только между наших детей, но и между простых людей! Ты не только обиду и досаду отцу своему, но Отечеству нашему учинил!»

Наследнику стало по-настоящему страшно. Мысли о том, что царь увидит в его проступке не просто сумасбродную, наглую выходку, а прямую государственную измену, не раз приходили ему в голову. Он их трусливо отгонял, утешая себя тем, что отец не решится обвинить его в этом. Теперь все сомнения отпали.

Зная кипучую натуру Петра, его жертвенную, неизбывную любовь к Отечеству, царевич понимал, что вина его безгранична. Ему сделалось плохо. Сидя на стуле в дальней комнате дворца, откуда он приказал удалиться всем слугам и даже горячо любимой Евфросинье, Алексей откинулся на спинку и вытянул худые, длинные ноги. Лоб его покрылся испариной, завитки тёмных волос свисали мокрыми косицами. Звать кого-то на помощь ему не хотелось.

Любовница Евфросинья, её брат Иван и трое слуг, убежав за границу, давно горько сетовали на это. Пожалуй, щемящая тревога и неуёмный страх одолевали беглецов уже с той поры, когда они очутились за окраиной Петербурга. Будучи людьми подневольными, не смея отказать своему господину, они втайне надеялись на то, что, покинув пределы России, всё-таки заживут там чуть свободней и сытнее.

Однако всё пошло иначе. Приходилось тщательно скрываться, ездить разбитыми, окольными дорогами, харчиться в дешёвых трактирах, ночевать где придётся. Как ни странно –

мощь и силу государства, которое они бездумно оставили, и могущество державного властителя беглецы въяве почувствовали только за границей. Ни Евфросинья, ни её брат и слуги даже не догадывались, насколько длинны и загребуши руки Петра, способные достать их всех в любом уголке Европы.

Минуя Эстляндию, Курляндию, Польшу, Чехию, Австрию, вплоть до самой Вены, всюду они видели и чувствовали, что за ними следуют агенты русского царя. Даже после встречи с главой Священной Римской империи, когда Алексей под чужим именем и в закрытом экипаже отправился в Тироль, в глухое, труднодоступное ущелье, где находилась тайная тюрьма для особо важных государственных преступников, – и там наследника настигли слуги Петра!

Немного отдышавшись и придя в себя, царевич вновь погрузился в чтение. Дальше текст отцовского послания оказался более сдержанным и увещательным. Пётр наставлял сына прислушаться к просьбам и предложениям Толстого. Что это будут за предложения – он не уточнял, но заверял, что никакого наказания ему не последует. Больше того, если царевич подчинится воле родителя, то вновь обретёт его неизменную любовь...

Алексей с трудом перевёл дыхание. Эту любовь он переживал не однажды. Видимо, его жестокосердный отец любое снисходительное, извинительное отношение к ослушнику считал проявлением высокого, горячего чувства. Он горько усмехнулся. И вновь опустил глаза к бумаге. Но далее, как и прежде, начались угрозы и проклятия.

«Изменник», «ругатель отца» – вот как называл его государь и грозил, что навеки проклянет наследника данной ему от Бога властью! А если тот рискнёт скрываться дальше, то обязательно найдёт способ изловить его! Пусть только он посмеет противиться его державной воле!..

Беглец ощутил себя жалкой мышью, запертой в мышеловке. Выхода из неё не было. Зная хваткую, неукротимую натуру Петра, наследник был уверен, что дни его призрачной свободы почти сочтены. Слабая, крохотная надежда таилась только в одном: подчиниться воле отца и вернуться на родину. А как же Евфросинья?! Алексей встал, подошёл к столу, взял в руку бронзовый колокольчик. Настойчиво позвонил. В дверь заглянул Иван – брат любовницы.

– Позови Афросинью! – кивнул ему хозяин.

Иван неловко замялся.

– Ты чего? – насторожился Алексей.

– Она это...

– Спит, что ли?

– Нет, – Иван неуклюже потоптался, – она с барином этим калякает...

– С каким таким барином? – в голосе хозяина прозвучала тревога.

– Ну, с этим, стало быть, который письмо вам привёз.

– С Толстым?! – ужаснулся Алексей.

Слуга виновато качнул головой.

Продолжение следует...

Владимир Демьянович ВАСИЛИНЕНКО

родился в 1942 году в Иркутске.

Окончил Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР, работал режиссёром на Дальневосточной студии в г. Хабаровске, на студии телевидения в Нижнем Новгороде.

Снял по своим сценариям более восьмидесяти фильмов.

Член Союза кинематографистов России, лауреат всесоюзных, всероссийских и международных кинофестивалей.

Лауреат Национальной премии за сериал об амурском тигре.

Член Союза писателей России.

Лауреат Международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце».

Живёт в Хабаровске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

